

ЭШКОЛЬ НЕВО

ПРОПАВШИЕ В ЭДЕМЕ

Романы Эшкотля Нево —
не просто очередные истории.
Его сюжеты — многомерны,
события имеют двойное дно,
а персонажи колоритны
и незабываемы.

The Swansea Bay

18+

Эшколь Нево

Пропавшие в Эдеме

Серия «Большой роман (Аттикус)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70067326

Пропавшие в Эдеме: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2023
ISBN 978-5-389-24706-2

Аннотация

«Пропавшие в Эдеме» – последний роман популярного современного израильского писателя Эшколя Нево – состоит из трех частей, на первый взгляд не связанных между собой. В новелле «Дорога Смерти» переживший тяжелый развод мужчина, путешествуя по Боливии, встречает молодую семейную пару и оказывается вовлеченным в их странные отношения, которые стремительно продвигаются к неизбежной смертельной развязке. В новелле «Семейная история» пожилой врач, не так давно потерявший любимую жену, испытывает противоречивое влечение к молодой девушке-интерну. В третьей новелле, давшей название всему роману, муж главной героини, гуляя с ней по фруктовой плантации, сворачивает на узкую тропинку и исчезает навсегда. Его супруге не только предстоит разгадать это загадочное исчезновение, но и постараться сохранить то, что осталось от ее семьи...

«Пропавшие в Эдеме» Эшколя Нево – это роман о загадках и хитросплетениях любви: между мужчиной и женщиной, между родителем и ребенком, между человеком и тем, что он потерял навеки.

Впервые на русском!

Содержание

Дорога Смерти

6

Конец ознакомительного фрагмента.

96

Эшколь Нево

Пропавшие в Эдеме

© А. Л. Полян, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Дорога Смерти

Мой адвокат говорит, что, даже если мы решим врать под присягой, нужно помнить, в чем именно заключается правда. И что лучше всего записать для себя, как именно все было на самом деле. А дело было так.

* * *

Никогда раньше мне не приходилось видеть в газетах сообщение о смерти и фотографию человека, с которым я был лично знаком. Да, знаю, что в этой стране такого не бывает. Ведь со всеми нашими войнами и операциями рано или поздно на первой полосе газеты ты увидишь фотографию человека, с которым вместе учился в школе. Или служил в армии.

Но нет. Как-то мне удалось дотянуть до середины жизни и не испытать ничего подобного. Может быть, именно из-за этого меня так сильно бросило в дрожь. Обычно говорят «дрожь», когда не получается подобрать более подходящего слова, на самом деле у меня похолодели лопатки. И копчик. Я весь похолодел, глядя на маленькую фотографию, которая была даже не на первой полосе, а на одной из последних, рядом с некрологами. Смотреть второй раз не было нужды. Это

он. Тогда, в Ла-Пасе, мы провели вместе всего несколько часов, но его лицо врезалось мне в память. Точеный нос. Глаза – даже на черно-белом снимке в газете было видно, насколько они светлые. Бородка – на вид как будто монашеская.

В краткой заметке под фотографией сообщалось, что Ронен Амиров, двадцативосьмилетний израильский турист, погиб в аварии на Дороге Смерти в Боливии, во время медового месяца. Его велосипед, как там было написано, не удержался на дороге и упал в пропасть. Его жена, Мор Амиров, находилась рядом и вызвала помощь, но, когда спасатели приехали, им ничего не оставалось, кроме как констатировать смерть. Тело отправлено в Израиль. Похороны состоятся в ближайшие дни.

Плакать над этим объявлением я не собирался. В тот момент у меня в жизни были гораздо более существенные поводы горевать, чем смерть этого парня, – тем более что я едва его знал. И вообще, я редко плачу. Я плакал, когда родилась Лиори – точнее, когда ее впервые положили на меня. Плакал в первую ночь без Лиори, в новой квартире, когда мы говорили с ней по телефону и она попросила меня прийти к ней во сне. Вот, кажется, и все.

Может быть, каждый раз, когда мы плачем, явным становится все, что раньше было скрыто. Как налоговая квитанция, которую тебе присылают раз в год.

Так или иначе, спустя несколько дней якобы-колебаний –

таких, когда в душе ты уже все решил, — я поехал на шиву¹. Но, только выбравшись из тель-авивских пробок и выехав на автостраду, я заметил, как волновался, перед тем как снова увидеть Мор из Ла-Паса.

Дурацкое слово — «волновался». Всякий раз, когда я провожу семинары, в конце люди говорят мне: ах, было так волнительно. И чем чаще я такое слышу, тем меньше это меня волнует. Скорее я был... взбудоражен. Вот это слово я ищу. Чем ближе к цели, тем более взбудораженным я был. Живот у меня свело, как после тренировки. Мысли будто утягивались в открытое окно. Музыка, которая лилась из радио, влетала в одно ухо и тут же вылетала из другого. И все ярче мне вспоминалось, как две недели назад Мор неожиданно ночью пришла ко мне в комнату.

* * *

Она заговорила со мной на улице. Спросила по-английски с израильским акцентом, не знаю ли я, как пройти в кафе-мороженое Хуана. На секунду я задумался, не поддержать ли игру, ответив по-английски, но что-то в ее взгляде, видимо, подействовало на меня сразу же. Я ответил ей на иврите, что как раз иду туда и они с ее другом могут соста-

---

¹ *Шива* (от ивр. «семь») — традиционный вид траура, распространенный и в современном Израиле: семь дней после смерти человека его родственники проводят дома, а друзья и знакомые приходят утешать их. — *Здесь и далее примеч. перев.*

вить мне компанию.

У нее загорелись глаза, она дотронулась до моего плеча – украдкой, двумя пальцами, быстро, как электрический разряд, и сказала:

– Израильтянин? Ничего себе. Никогда бы не подумала, с твоим-то ростом.

– Да, – сказал я. – Знаю. Многие так говорят. И я не совсем... в подходящем возрасте. В смысле, для путешествия после армии².

– А что? Сколько тебе лет?

– Тридцать девять, – признался я.

– Тебе столько не дашь, – отрезала она. В ее словах не было флирта. Просто факт.

Ее друг, который до этого момента молчал, протянул мне руку.

– Ронен, – сказал он официальным тоном, который как-то не подходил для бэкпэкеров³.

– Омри, – сказал я и протянул руку в ответ. – Приятно познакомиться.

– А я Мор. Привет! – сказала она. Ее рука осталась прижатой к телу.

---

² В Израиле почти всеобщая воинская повинность, в армии служат мужчины и женщины. После службы принято отправляться в путешествие – на срок до года. Многие израильтяне стараются поехать в отдаленные страны (в Индию, страны Латинской Америки и т. д.).

³ *Бэкпэкеры* – туристы, путешествующие с большими рюкзаками (часто они ездят автостопом, ночуют в палатках и т. д.).

– У нас тут свадебное путешествие, – сообщил Ронен и приобнял ее.

Не только приобнял, но и прижал к себе, как будто говоря: она моя.

– Поздравляю, – сказал я и улыбнулся, стараясь, как семейный психолог, смотреть сразу на обоих, не задерживаясь взглядом на одном из них.

– А ты? – поинтересовалась Мор, когда мы отправились в путь. – Что ты тут делаешь «в неподходящем возрасте»?

– У меня путешествие после развода, – ответил я.

– Вау, – покосилась она на меня. – Оригинально!

Ронен ничего не ответил. У него была острая бородка, хорошо подстриженная, он недовольно ее поглаживал. Как будто мы нарушили какое-то неписаное правило вроде «не разговаривать на ходу».

Потом в кафе он заказал ванильное мороженое. А она сначала попросила попробовать несколько видов и в конце концов выбрала карамель. Потом я тоже сделал заказ и расплатился, говоря по-испански. Уже неделю я изучал язык, и мне нравилось перекатывать во рту непривычные слова.

– Как красиво ты говоришь! – Мор повернулась ко мне с ложечкой мороженого в руке.

– Это не бином Ньютона, я здесь учусь на курсах, – ответил я.

– И тем не менее, – сказала она и улыбнулась.

В ее улыбке не было ничего особенного. Больше всего она

напоминала мне улыбку старшеклассницы женской религиозной школы. Скромная. Стыдливая. Вообще, если бы в тот момент меня спросили, я бы с уверенностью ответил, что она религиозна. Или была такой в прошлом. Большие сережки. Преувеличенная жизнерадостность. Кудри собраны под платок. Толстовка и шаровары. Как-то я проводил мастер-класс в религиозной школе в Кармиэле, и девушки там выглядели именно так. А с другой стороны, было что-то такое во взглядах, которыми она меня одаривала, когда Ронен не видел. Что-то смелое, почти отчаянное, но в рамках. Голод, что ли. Вот это слово я искал. Ее взгляд был голодным. Чего именно ему не хватало? Об этом я пока не знал.

Мы принялись за мороженое. Сколько времени нужно, чтобы съесть мороженое? Пять минут? Десять? Даже мороженое она облизывала, как царская дочь, которая величава в покоех своих⁴. Аккуратно, с чувством меры, кончиком языка, не обходя вниманием ни одной стороны конуса.

Мы вели праздный разговор путешественников. Точнее, мы с ней разговаривали, а Ронен сосредоточенно, как исследователь, смотрел на свое мороженое, будто пытался рассчитать алгоритм, управляющий темпом его таяния.

Мор сказала: мы начали в Боливии, а теперь в раздумьях, куда бы поехать дальше. Я сказал, что слышал много реко-

---

⁴ Аллюзия на стих из Псалмов (45: 14, в синодальном переводе – 44: 14). Традиционно этот стих понимается как предписание женщине оставаться дома и заботиться о семье.

мендаций о Перу. Она сказала: да. Но в ее голосе сквозило сомнение, как будто она не была уверена, что рекомендации других имеют для нее практическую значимость.

– Сколько у вас времени? – спросил я.

– Полтора месяца.

– Очень завидую.

– Почему? А сколько времени у тебя?

– Максимум две недели, – ответил я, – больше не смогу.

Из-за дочки. Меня и так раздрает от тоски по ней. А еще есть работа. На самом деле даже две недели – это слишком.

– Вау, – сказала она, бросила на меня еще один голодный взгляд и положила голову на плечо Ронену, как будто закапываясь туда, – было видно, что это движение она делала уже тысячи раз.

А он все смотрел на тающее мороженое. И молчал.

* * *

Потом они вдвоем проводили меня до хостела. Точнее, они хотели добраться до Рынка Ведьм, а это было по дороге.

Я остановился на тротуаре, рядом с открытой входной дверью.

Мор сказала: тут очень красиво. И встала на цыпочки, чтобы увидеть, что там за моим плечом, будто заглядывая за стену запретного города.

Я тоже кое-что подглядел – посмотрел на полоску кожи,

которая открылась, когда ее толстовка немного задралась наверх, – и сказал:

– Внутренний двор красивый, комнаты так себе.

А Ронен сказал – это был первый раз, когда он обратился ко мне:

– Ладно, так... мы точно еще встретимся в центре.

Я сказал: да.

И все. Ни объятий, ни поцелуев в щечку, ни любопытных взглядов, ни внезапного поворота кудрявой головы после прощания. Ничто не намекало на то, что случится дальше.

* * *

На перекрестке Кабри⁵ я повернул направо.

Судя по указателю, до их поселка оставалось пятнадцать километров.

Я подумал, что картонных табличек с нарисованными стрелочками и подписью «на шиву» не бывает. Только «на свадьбу».

И притормозил. Я ехал по автостраде со скоростью всего семьдесят километров в час, как будто пытаюсь отсрочить прибытие. Или выиграть время для воспоминаний.

---

⁵ Перекресток на севере Израиля, в 5 километрах к востоку от Нагарии.

В дверь моего номера в хостеле постучали вскоре после полуночи. Я как раз поговорил по видеосвязи с Лиори – она рассказывала, что вчера на перемене снова была одна, и спросила, не делаю ли я в путешествии чего-нибудь опасного, а я успокоил ее: нет, вовсе нет, – и предложил сыграть в битбокс⁶ по телефону; поднес, как всегда, кулак ко рту, чтобы дать основную тему, и мы стали придумывать рифмы к ее имени: Лиор-Лиор, вот какой в тебе задор, в жизни есть всегда простор, ты всем бедам дай отпор, – но не успели мы войти в ритм, трубку взяла Орна и сказала, что они опаздывают в школу, а девочке еще надо причесаться; и тогда мы с Лиори приблизили губы к экрану и громко чмокнулись. Потом я лег в постель, утомленный от усилий изображать ради нее, что мне весело, и подумал: ну а чего ты ожидал, идиот, что в тридцать девять лет ты сможешь путешествовать без забот, как после армии? Взял книжку Сэлинджера – я настоял, чтобы после развода она осталась у меня, – «Выше стропила, плотники» – и стал читать с того места, где остановился прошлой ночью.

Я люблю ритм повествования Сэлинджера, и сначала стук в дверь органично соединялся с этим ритмом. Но по-

---

⁶ *Битбокс* – жанр музыки, исполнители которого имитируют голосом, языком, губами и т. д. звуки разных инструментов.

том было несколько секунд тишины – и стук возобновился, на этот раз сильнее, чем раньше. С синкопой. Я открыл, на пороге стояла она. Девушка из кафе-мороженого. В лосинах и обтягивающей клетчатой рубашке – совершенно светский вид. Можно войти, спросила она и прошла мимо, не дожидаясь ответа. До меня донесся запах волос, недавно вымытых. Запах женщины. Я спросил ее, не хочет ли она чего-нибудь выпить, и тут же извинился: у меня в комнате толком ничего нет. Просто я привык предлагать гостям выпить, сказал я и вдруг вспомнил: а, секунду, у меня есть вода.

С удовольствием, ответила она. Я протянул ей бутылку. Она стала жадно пить – так прикладываются к бутылке пива, чтобы набраться смелости, а потом присела на краешек моей кровати и сказала: можно у тебя кое-что спросить?

Да, конечно, ответил я. И тоже сел на кровать, но подальше от нее. Что-то в ней говорило: ближе не надо. Я прислонился спиной к стене и вытянул прямые ноги, но не слишком сильно. Следил, чтобы мои стопы не коснулись ее бедер.

Она заправила волосы за уши, так что стали видны ее сережки, и только потом повернула голову ко мне и спросила:

– Ты знал заранее?

Мне показалось, что я понял, о чем она. И все же, чтобы выиграть время, я притворился дурачком:

– Знал заранее о чем?

– Что у вас не получится, у тебя и... твоей жены. То есть... до того как вы поженились или хотя бы в первый год после

этого – было заметно, что?..

– Слушай, ну... – прошептал я. И осекся. Я понятия не имел, что сказать.

Тогда она встала и начала ходить по комнате. Комната была маленькая, так что свободного места оставалось немного. Раскрытый чемодан, письменный стол, корзина для бумаг, свободный простенок, две пары ботинок на полу, одна из них покрыта засохшей грязью. Она ходила между всем этим, ее щеки покраснели, сережки прыгали, она двигалась заворачивающе – это было похоже на танцевальное шоу. Танец растерянности. Она собирала волосы и снова распускала, взяла с моего стола ручку и стала нажимать на кнопку, кружилась на каблуках и чуть не налетела на чемодан, но в последнюю секунду обошла его, подтягивала рубашку наверх и ритмично похлопывала себя по лосинам, как будто отбивала ритм для своего танца, и между делом говорила, обращаясь то ко мне, то к себе самой: я очень извиняюсь, мне не стоило приходить сюда, что это вдруг я свалилась тебе на голову посреди ночи, ты ведь вообще со мной незнаком, забей, забудь, я сейчас уже уйду, ох, как стремно...

– Не уходи, – попросил я.

Она прекратила ходить по комнате. Села. Скрестила руки. Не глядя на меня. У нее были красивые пальцы. Фиолетовый лак подходил по цвету к рубашке.

– Это долгая история, – сказал я.

– Да. – Ее губы сложились в нерадостную улыбку. Она

установилась на мои кеды.

– И... я не хочу вываливать перед тобой все. Поэтому я не ответил прямо.

– О'кей. Я уж думала, что напугала тебя.

– И... Все еще слишком свежо. Я до сих пор не могу взглянуть на это со стороны.

– Когда вы вообще расстались? Это... ничего, что я спрашиваю?

– Три месяца назад.

– Действительно свежо, – сказала она и снова отхлебнула воды. Глоток поменьше.

Я взял у нее бутылку и тоже сделал глоток.

– Думаю, что... нет, знаешь что, нет, я не знал заранее, – сказал я.

Мор медленно кивала, и мне показалось, что так она выражает свое разочарование.

– Но это не значит... что нет вещей, которые понимаешь только постфактум.

– Например что? – Она повернулась ко мне всем телом.

– На-при-мер, – я растягивал слова, чтобы выиграть время для размышления, – ну, вот поскольку сейчас я путешествую, я вспомнил кое-что, что произошло с нами во время путешествия после армии.

– А куда вы поехали?

– Мы долго колебались: то ли поехать в Австралию, то ли на Восток, и в конце концов выбрали Восток – денег бы-

ло маловато. И вот как-то утром я просыпаюсь в гестхаусе в Дхарамсале⁷, вижу, что ее в кровати уже нет, иду на завтрак и обнаруживаю ее там: сидит в одиночестве, со скорбным лицом. И не успеваю я заказать у стойки кофе – она выпаливает: надо было поехать в Австралию. Почему? Выясняется, что за завтраком она сидела с каким-то Крокодилом Данди⁸, который заливался соловьем про австралийские пустыни, и теперь она не может отойти от впечатления. Но, любимая, говорю я ей, над тобой Гималаи, у твоих ног – самая красивая в мире долина...

– Там правда красиво. Я видела фотографии.

– Вот именно! Так я сказал ей: ну сейчас-то уже какая Австралия? А она уперлась: надо было поехать в Австралию, Омри.

– И это был тревожный звоночек?

– Тогда я этого не понял. Но постфактум... Она всегда была недовольна. Работой – неважно, что это была за работа. Домом, в котором мы жили, – неважно, какой это был дом. Воспитательницей Лиори. Учительницей. Ей всегда казалось, что лучше там, где нас нет. У нас была дежурная шутка, что я – единственное, что она не меняет.

– А в конце случилось именно это.

---

⁷ Столица штата Химачал-Прадеш на севере Индии.

⁸ Герой фильма П. Файмана «Крокодил Данди», австралийский охотник, который покоряет сердце нью-йоркской журналистки, приехавшей написать о нем репортаж.

– Не совсем.

В этот момент, насколько я помню, Мор уже лежала поперек моей двуспальной кровати. Ее поза выигрышно подчеркивала красоту фигуры, но казалось, что она этого не осознает. Что она не нарочно.

– В каком смысле «не совсем»? – спросила она. И оперлась подбородком на согнутую ладонь. Посмотрела на меня так, как будто каждое слово, которое я сейчас произнесу, будет наделено для нее невероятно важным смыслом.

– Отношения – это вроде как... джунгли, – ответил я. – Все переплетается, и трудно понять, где причина, а где следствие. Проще всего обвинить другого. Но это вранье. Я виноват... я был виноват в этом не меньше. Нужно научиться жить вместе с человеком, который почти все время недоволен. И я отдалился от нее, как будто недовольство заразно. Было и другое, о чем нельзя было знать заранее. Наша дочь... ну, скажем так, она... очень чувствительна. Входит в один процент самых чувствительных. И... мы оба менялись, каждый шел в свою сторону, и... не знаю, может быть, прожить пятнадцать лет вместе и не убить друг друга – это уже достижение, а не провал? Сорри, ты наверняка ищешь четких ответов... а их у меня пока нет.

– Ничего страшного, ты мне очень помог, – сказала она и посмотрела мне прямо в глаза.

– Правда?

Я немного распрямил ноги, и теперь мои шерстяные нос-

ки едва не касались ее тонкой талии.

– Правда-правда.

Мы помолчали, глядя каждый на свою точку на стене. И я подумал: как странно и красиво, что мы едва знакомы – а у нашего разговора уже есть свой ритм. В том числе и у этого молчания. Оно наступило как раз вовремя.

И еще я подумал, что после развода встречался с таким большим количеством людей – учеников, друзей, коллег, два раза даже ходил к психологу – и ни с кем из них не испытывал этого редкого чувства: сейчас на свете есть только я и этот человек.

И я подумал, что у Мор пухлые щеки и что, может быть, я единственный мужчина на свете, кому такие щеки кажутся сексуальными.

– Не знаю, что еще тебе сказать, – произнес я спустя четыре такта. – На самом деле мне еще почти ни с кем не приходилось обсуждать развод. Так – точно нет.

Мор снова подняла на меня глаза. Ее взгляд был теплым, но не до конца понятным. Она не придвинулась ко мне ни на миллиметр и продолжала почесывать ногтями свои лосины – такое впечатление, что скорее это был тик, а не настоящий зуд. Да, и еще: хотя она и лежала поперек кровати, но так и не сняла обувь. Она болтала ногами, свесив их с кровати сантиметров на двадцать.

Я подумал, что, если она разуется, это будет знак. Но я не был уверен, что хочу, чтобы она разулась. Существуют фан-

томные боли – их чувствуют солдаты там, где у них ампутировали часть тела, – так вот, мне казалось, что после развода у меня фантомная моногамия: я знал, что должен наслаждаться своей новообретенной свободой, но ни разу еще этой свободой не воспользовался. Проведя пятнадцать лет с одной женщиной, я не мог даже вообразить себя в интимных отношениях с другой. Это меня даже напрягало. Я не был уверен, что физиологически у меня все получится.

Наконец – весь ее визит продлился не более часа – Мор встала с кровати и сказала:

– Мне пора возвращаться, Ронен может случайно проснуться.

– погоди-ка. – Я вскочил за ней. – Ты не расскажешь мне, откуда вдруг взялись все эти вопросы?

– Не могу, – сказала она.

– Так нечестно.

Я надул губы, как обиженный ребенок, а она сказала:

– Сорри, – и улыбнулась, но тон ее был серьезным. – Это для меня равносильно измене.

– О'кей. – Я сложил перед собой руки и поклонился по-японски. – Тогда... был рад тебе помочь. – А когда ее рука коснулась ручки двери, я все же осмелился: – Можно сказать тебе еще кое-что?

– Да, – ответила она.

– Пальцем в небо – ну, если что, ты просто подумаешь, что я говорю глупости, но путешествие – это... исключитель-

ное обстоятельство. Некоторые люди раскрываются с хорошей стороны, а некоторые...

— Я знаю, — сказала она. И ее глаза увлажнились. В мгновение ока. Обычно глаза наполняются слезами постепенно, но у нее это произошло очень быстро. Она отвернулась к двери, чтобы скрыть от меня слезы, а потом вдруг развернулась, сделала два быстрых шага по направлению ко мне, встала на цыпочки и поцеловала меня.

* * *

На шиве я не сразу ее увидел.

Дом был полон желающих утешить, которые скучковались в две группы: одна собралась в гостиной — шесть-семь седовласых гостей вокруг стоявшей женщины, очевидно мамы Ронена, а вторая — около кухни: четверо-пятеро молодых людей, один из них поддерживал девушку с прямыми волосами, которая выглядела так, будто вот-вот заплачет.

Между гостиной и кухней стоял рояль, крыло его было поднято, как будто кто-нибудь прямо сейчас сядет за него и сыграет или играл на нем раньше, до моего прихода, а рядом с роялем — камин, в котором потрескивал огонь. И все пространство было наполнено таким гулом, какой бывает только на траурных церемониях. Грустные приглушенные голоса, среди которых то и дело прорывался голос погромче, как будто один скрипач начинал играть соло.

Мне подумалось, что гостям надо было раздать такие записки, как на свадьбах, чтобы ты мог найти дорогу к столу, где сидят твои близкие, а если ты ни с кем не знаком, то к столу для одиночек...

И тут навстречу мне вышел Ронен Амиров.

Точнее, молодой человек, который вышел мне навстречу, был так похож на Ронена Амирова – рост, небольшая сутулость, даже монашеская бородка, – что мое сердце на два такта перестало биться.

Он протянул мне руку:

– Галь, брат Ронена. Мы очень похожи, я знаю. Нам об этом все время говорят... говорили.

– Соболезную, – ответил я.

– Мы до сих пор не можем поверить, – сказал Галь. – Все в шоке. Откуда... вы знаете моего брата?

– Из Боливии. Я там познакомился с ним и с Мор.

– В Ла-Пасе?

– Если честно, да.

– Вау, – сказал он. Я заметил, что его голос стал вдруг ниже на пол-октавы. – Спасибо, что приехали.

Я кивнул.

Он открыл рот – видимо, хотел спросить что-то еще, но потом передумал и процедил: «Мор там», – как будто в этом было что-то предосудительное, и мотнул головой в сторону угловой комнаты.

Это был вытянутый узкий кабинет, явно принадлежавший пожилому человеку. Письменный стол. Большая лампа. Вокруг – полки с книгами. Поверх стоявших книг лежали стопки других. Вплотную к полкам было приставлено несколько черных пластиковых стульев, а под окном, в дальнем углу комнаты, стояло офисное кресло: на нем сидела Мор.

По-турецки. На ногах у нее были черные шерстяные носки⁹.

Она была полнее, чем мне запомнилось. И красивее. В темных джинсах и светлой толстовке с изображением Фриды Кало.

Ее кудри были собраны под заколку, сережки из ушей она вынула, но на шее, на медовой коже, поблескивала тоненькая золотая цепочка¹⁰.

Мне было негде сесть, так что я остался стоять. Мор была погружена в разговор с одной из подруг, которые сидели рядом с ней, и не заметила, что я вошел. Она сказала: сняла с багажной ленты и мой рюкзак, и его. А подружка ответила: ой, наверняка это было страшно. А Мор сказала: там вся его одежда, книжки – я еще ничего не разобрала, просто не в состоянии. А подруга ответила: всему свое время. И они

---

⁹ Обычаи шивы предписывают скорбящим не носить обуви.

¹⁰ Обычаи шивы запрещают носить золотые украшения.

помолчали несколько мгновений. Такое молчание возникает, после того как кто-нибудь сказал банальность. А потом Мор подняла на меня глаза. В них читалось изумление.

Я подошел, нагнулся и обнял ее. Легко, не прижимая к себе.

– Омри, – сказал я, когда отпустил ее, – из Ла-Паса.

– Знаю, – еле слышно ответила она.

И все. Она не сказала мне больше ни слова. И не взглянула на меня. Когда в углу комнаты освободился стул, я сел. Попытался поймать ее взгляд, но это оказалось невозможно: она все время смотрела на кого-то другого. Попытался прислушаться к тому, что она рассказывала подругам, но она говорила очень тихо, до меня долетали отдельные слова, и я не смог связать их в предложения. Я заметил, что почти всех подруг, которые пытались разговорить ее, она очень скоро заставляла говорить о них самих. И это все тоже было едва слышно. Тогда я взял фотоальбом – их там лежало несколько – и сделал вид, что листаю его, время от времени поднимая взгляд, чтобы посмотреть на нее. Я заметил, что шрамик между бровями теперь глубже, и это состарило ее сразу на несколько лет. Но для меня Мор стала еще привлекательнее. Черты ее лица теперь были немного мягче. Выражение – нежнее. Вместо выпускницы религиозной школы из Ла-Паса с ее напускной наивностью и чрезмерным оптимизмом передо мной сидела женщина. Скорбящая, конечно, женщина. Даже у Фриды Кало на ее толстовке был грустный взгляд.

Но в этой женщине все еще горела искра. На ее лице отражалось глубокое горе, но тело было слишком подвижным. Беспокойным. Каждые несколько секунд она меняла позу: то садилась по-турецки, то нога на ногу, то снова по-турецки, и через каждые несколько фраз, произнесенных ее собеседницами, она прикусывала золотую цепочку на шее и все время почесывала ноги – этот тик мне запомнился еще с нашей встречи в моем номере в хостеле.

Постепенно боковая комната, где мы сидели, почти совсем опустела. Остались только Мор, одна ее подруга и я. И все равно Мор не проявляла ни малейшего желания поговорить со мной. Напротив. Она еле слышно разговаривала с подругой, явно не давая мне присоединиться к беседе.

Я чувствовал себя идиотом: доехал аж до Галилеи, чтобы сказать слова утешения той, которая не видит меня в упор. И тогда я пообещал себе: последний альбом – и все.

В последнем-и-все альбоме была серия фотографий с их свадьбы, на каждой – кто-то из родственников, и все, видимо, из его семьи. Все – с прямыми волосами. Как ей идет платье, подумал я. Подчеркивает талию. Хотя по ее позе чувствуется, что носить платья она не привыкла. По крайней мере, уж точно не такие. Ронен – рядом с ней, сияет от счастья. Оказывается, у этого напряженного, угрюмого человека, которого я видел в Ла-Пасе, была открытая улыбка: от нее щурились глаза, нос становился не таким острым, а сам он выглядел симпатичным парнем. Из-за таких улыбок человек

начинает тебе нравиться. И тебе становится даже немного грустно, что он умер.

Потом такая фотография: они сидят вдвоем и смотрят на сцену – наверное, их поздравляют, – и хотя они не касаются друг друга, их лица светятся чувством близости. На следующей странице – фотография, на которой они целуются. И еще одна такая. И еще раз, с другого ракурса...

Да сколько можно?!

Я встал и направился к выходу.

Она сделала вид, будто не заметила, что я встал, но у входной двери я вдруг почувствовал, как меня трогают за плечо. Легко-легко касаются.

Я обернулся.

– Спасибо, что приехал, – сказала она и протянула мне руку.

Рукопожатие длилось дольше обычного. Наверняка у нее в руке была записка.

Я кивнул. И зажал записку в кулаке.

* * *

Прочитать ее я решил только в машине.

Поезжай до конца улицы, поверни налево на круговом перекрестке и езжай прямо, до памятника.

Встретимся на парковке. Придется подождать, но я придумаю какую-нибудь отмазку и приду.

Первым делом я позвонил Орне. Попросил забрать Лиори с продленки. Она сказала: это в твоём духе – спорить со мной, кто и когда проводит время с дочерью, потом вдруг уехать в Боливию на две недели, а потом заявить, что не будешь забирать ребенка. Я ответил: не преувеличивай, это в первый раз. И она знает, как Лиори для меня важна. Она сказала, что нельзя так кидать их обеих – предупреждать в последний момент. На такие фокусы ребенок плохо реагирует. Лиори и так сейчас очень чувствительная. Я сказал, что у меня нет выбора: я на севере страны и просто не успею добраться. Она спросила, что я делаю на севере. Я ей наврал. Она сказала: ты стал таким трудолюбивым после развода. Я ответил: я всегда таким был. А теперь еще надо платить алименты. Она сказала: ладно, о'кей, я заберу Лиори, хотя, вообще-то, ты этого не заслужил. Мерзавка, процедил я, отодвинув телефон от губ, а в трубку сказал: спасибо, Орна.

После чего вышел из машины. Встал рядом с памятником и стал читать имена павших за родину справа налево и слева направо. А потом по войнам. Мне пришло в голову, что после развода Лиори все время задает вопросы о смерти. Когда ты умрешь, папа? А мама когда? Куда люди попадают, когда умирают? Можно ли оттуда вернуться? Ты уверен, что нельзя?

Я посмотрел на часы и решил, что, если через пять минут Мор не появится, я уеду. Чтобы успеть сегодня обнять мою девочку.

Но и десять минут спустя я оставался там.

* * *

Наконец Мор приехала. На велосипеде. Я увидел, как она появилась из-за поворота, и у меня сердце сжалось от страдания.

Может быть, потому, что обычно люди на велосипеде выглядят радостными. Полными сил. А она ехала как-то грустно. Чувствовалось, что ей больно.

Может быть, потому, что дорога была совершенно пуста. И широка. И от этого Мор выглядела одинокой, совсем одинокой всадницей. Или маленькой девочкой. Которая убегает от толпы детей, гонящихся за ней.

Она изо всех сил нажимала на педали. Ветер и скорость растрепали ее волосы, она заправила их за уши. Следующий порыв ветра снова растрепал их, и я вспомнил, как она ехала на велосипеде вслед за мужем по Дороге Смерти. Торопилась. И снова во мне пробудилось то же желание: сделать так, чтобы ей никто никогда не причинил зла.

Она остановилась у памятника, перебросила ногу – о, какие у нее длинные ноги – через раму, прислонила велосипед к стене павших и подошла ко мне. Ее грудь быстро поднима-

лась и опускалась, как будто она задыхается. То ли из-за того, что она ехала на большой скорости, то ли из-за меня. Ситуация была настолько двусмысленной, что я даже не знал, можно ли обнять ее. Она ведь вдова, черт возьми.

Мор встала на цыпочки и поцеловала меня – быстро, в щеку – и сказала: я и забыла, что ты такой высокий. И еще: извини, что я так противно себя вела. Тут я как под лупой. Мне кажется, они что-то подозревают. Не знаю. Может быть, это все мне только кажется. Его мама ведет себя со мной нормально. Но братья... хм... ну, то есть, может быть, что... Как хорошо, что ты приехал! – Она вдруг замолчала и выдавила из себя улыбку: – Ты даже не знаешь, о чем я, да?

Я кивнул.

Она оглянулась по сторонам, как будто боясь, что кто-то может следить за нами, и сказала: пошли.

За памятником начиналась потайная тропинка, которую я не заметил поначалу, и она пошла по этой тропинке, рассчитывая, что я пойду следом.

* * *

Была середина февраля. Семнадцатое февраля, если точнее. Я помню точную дату, потому что двумя днями раньше был день рождения Лиори.

Весна толком не началась, но зима уже ушла. Цикламены между камней уже почти отцвели. Анемоны только распус-

кались. Из-за облаков над нами пробивалось солнце, а дальше, на горизонте, висели тяжелые черные тучи. Мы проходили мимо миндальных деревьев – только несколько из них стояли в цвету. Тропинка была грязной от субботнего дождя, из-за которого гостям Лиори пришлось перейти из сада в гостиную. Когда-то эта гостиная была и моей (Лиори увидела, что я стою на пороге и не решаюсь зайти, все поняла и, не говоря ни слова, взяла меня за руку – как взрослый, который берет за руку ребенка, перед тем как перейти улицу).

Походка Мор была тяжелее, чем мне помнилось. Там, в Ла-Пасе, когда мы вышли из кафе, она со своими кудрями буквально парила над землей. А теперь в ее походке чувствовалась какая-то сдержанность.

Я молча ступал за ней, пока мы не дошли до огромного плоского камня величиной с двуспальную кровать. Вокруг всюду росли кусты желтого дрока, только с одной стороны открывался роскошный вид: зеленые холмы, пологие склоны которых спускались к западу, до самого моря.

Мор села.

Во впадинах на камне все еще не высохла вода. Я нашел, где посуше – чтобы и недалеко от нее, и не очень близко.

Она обхватила свои колени, повернулась ко мне лицом и посмотрела на меня таким странным двухчастным взглядом: сначала прямо, а потом опустив глаза – спросила:

– Как дела?

– Как *у меня* дела?

– Да, как у тебя дела, Омри?

В последнее время у меня частенько спрашивают, как дела, подумал я, но никто не задавал этот вопрос так, как она. С истинным любопытством. Таким, что хочется ответить искренне. Невероятно: всего двумя словами она отделила нас двоих от всего мира.

– Ну, по-моему... это тебе сейчас очень трудно... тебе точно тяжелее, чем мне, – сказал я.

– Ты целовался еще с кем-нибудь, после того как мы поцеловались в Ла-Пасе?

– Нет.

– Ты монах, что ли?

– Я разборчивый.

– А чем ты вообще занимаешься? Я ничего не знаю о тебе.

– Я физик-ядерщик.

– Вау.

– Я музыкант.

– Да ладно. Ты тоже скрипач?

– А что? Кто-то скрипач?

– Ронен... играл.

– У меня – барабаны и другие ударные. Слушай... Может, расскажешь, что... что происходит?

– Расскажу, но мне нужно... в общем, в свое время.

– Тебе холодно?

– А что?

– Ты дрожишь. Хочешь мою куртку?

– Не поможет. Это с тех пор, как... мы были на Дороге Смерти. Мне все время холодно. Неважно, сколько всего на мне надето. Этот холод внутри.

Я снял куртку, накинул ей на плечи и сказал:

– Извини, мне больно на тебя смотреть.

– Спасибо, – ответила она. Рукава остались болтаться, продевать в них руки она не стала. – Так... музыка тебя правда кормит?

– Что это мы все обо мне?

Она кивнула. Дважды. И шрамик между ее бровями стал немного глубже.

Я сказал:

– Я разработал мастер-классы, которые называются «Ритм сердца», и провожу их в разных школах.

– И что вы делаете на этих мастер-классах?

– Тебе правда интересно?

– Правда-правда, – сказала она. И оперлась подбородком на согнутую ладонь, как тогда, в Ла-Пасе.

– Я учу детей внимательно слушать. Все это поколение – ходячий дефицит внимания. Большинство не в состоянии вести диалог. На самом деле у них дефицит понимания, а не внимания. Так вот, когда мы все вместе играем на ударных...

– Это была не авария.

– Что?

– Когда Ронен упал – это не совсем авария была.

Она продела руки в рукава моей куртки. Сначала левую руку. Потом правую. Выправила волосы, которые зацепились за воротник, застегнула молнию до конца, потом снова расстегнула. До половины. Прикоснулась пальцем к щеке, как будто желая смахнуть слезу. Хотя слез не было. И снова опустила руку вдоль туловища.

Мне хотелось погладить ее руку, но я удержался.

Она сказала:

– Мы много здесь гуляли, по вади¹¹, Ронен и я.

– Ты тоже из... этого Мицпе?¹²

– Я из Маалот¹³. Приезжала сюда к нему автостопом, и мы уходили гулять. Его колбасило, когда умер его папа...

– Да, я заметил по альбомам, что с какого-то момента папы больше нет на фотографиях.

– Остановка сердца. Ронен был дома, когда это случилось. Пытался откачать его.

– Черт.

---

¹¹ *Вади* – русло ручья, которое заполняется водой только в сезон дождей.

¹² Имеется в виду поселок Мицпе-Гила в 14 километрах к востоку от перекрестка Кабри. Выражение «этот Мицпе» объясняется тем, что слово «мицпе» – нарицательное существительное, обозначающее смотровую площадку или наблюдательный пункт. В гористом Израиле существует довольно много маленьких населенных пунктов, названия которых начинаются с «Мицпе».

¹³ Небольшой город в 5 километрах от Мицпе-Гила.

– Я вытаскивала его на прогулки, чтобы он не сошел с ума окончательно. Он не знал, куда тут можно ходить гулять, потому что не вылезал из своих нот для скрипки, пока не познакомился со мной. Даже Нахаль-Кезив¹⁴ не видел. Иногда мы уходили на час, иногда на целый день.

– Ничего себе.

– У нас было такое правило: мы ходим, пока он не улыбнется. Улыбнется один раз, но от всего сердца – уже хорошо. Сколько бы ни пришлось этого ждать.

Теперь и правда появилась слеза. Одна-единственная, ползла по щеке. Когда Лиори была маленькая, я собирал ее слезы языком, это смешило ее и заставляло забыть, что она собиралась плакать. Но после нашего развода, кажется, она держит свои слезы внутри.

Мор смахнула слезу сама, быстрым движением пальца, и поплотнее закуталась в мою куртку.

– Мне нужно было его опознать, – сказала она сдавленным голосом. – Какой-то полицейский повел меня в больницу. Или в морг. В Ла-Пасе. Или в Коройко. Уже не помню. Эти первые дни у меня все смешались. Полицейский все время говорил со мной по-испански, а я кивала. Что он говорил, я вообще не понимала.

– К тебе не приехал никто из посольства?

---

¹⁴ Река и парк-заповедник. Пеший путь от Мицпе-Ги́ла до входа в заповедник занимает примерно полтора часа.

– Посольство закрыли после «Литого свинца»¹⁵.

– Блин.

– Там в городе живут супруги-израильяне, которые помогают путешественникам, если что, но они как раз уехали в отпуск в Израиль.

– Так что, и потом тоже никто... при всех разговорах со следователями... и процедурах?

– Совсем одна. Четыре дня они меня там держали.

Я положил ладонь на ее руку. Инстинктивным движением. Вот так же автоматически я начал барабанить, если бы мне под руку попали бонги¹⁶. Особо я не раздумывал. Руку она не убрала, но на мое прикосновение никак не ответила.

Несколько минут мы просидели молча. Каждый со своей картинкой в голове.

Черные тучи, которые поначалу только обозначились на горизонте, приблизились. По воде, что скопилась во впадинах на камне, пошла зыбь от ветра. Мне стало холодно, но попросить вернуть куртку даже в голову не пришло.

Я думал о том, что ее велосипед остался непристегнутым около памятника: надо же, тут так можно; в Рамат-Гане¹⁷ его бы угнали в момент.

---

¹⁵ «Литой свинец» – военная операция в секторе Газа зимой 2008–2009 годов. По итогам операции Венесуэла и Боливия разорвали дипломатические отношения с Израилем (Боливия возобновила их 10 лет спустя).

¹⁶ Бонги – парные барабаны, на которых играют сидя, зажав их между коленей, ударяя по ним рукой.

¹⁷ Город неподалеку от Тель-Авива.

Вспоминал, как мы с Лиори ездили на велосипеде в детский сад, когда она была маленькая, как один раз мы упали: я потерял равновесие, и она ударилась головой о мостовую – как долго тянулись секунды, пока она не заплакала!

Думал об искаженном взгляде Лиори, когда сказал ей – первым, чтобы доказать Орне, что я справлюсь, что я не сломался, – что «папа с мамой не... ладят последнее время и поэтому папа переезжает в другой дом». Поначалу она не поняла. Вообще не поняла, о чем это мы. Она даже странно-то заулыбалась было, как будто ей рассказали анекдот.

Я подумал: это все же странно, что Мор вот так запросто уходит из дома во время шивы по ее мужу. И что ее отправили в боковую комнату. И что там нет никого из ее семьи. Ни мамы, ни папы, ни сестры. Моя мама не оставила бы меня одного, если бы со мной произошла такая трагедия.

Я спросил:

– Может, расскажешь мне, что случилось?

Она немного помолчала, а потом сказала:

– Я бы хотела, но боюсь.

– Это останется между нами, – сказал я и приложил руку к груди, как будто клянусь.

– Не в этом дело.

– А в чем?

– Пока не расскажешь о чем-то – этого как будто еще не случилось. И можно сказать самой себе, что я все придумала.

– Как хочешь, в любом случае я к твоим услугам.

– Какой ты милый.

– Вовсе нет.

– Правда? Тогда расскажи что-нибудь противное о себе.

– Прямо сейчас?

– Да, мне это поможет. Потому что я собираюсь рассказать тебе очень противную историю.

Я колебался. С одной стороны, мне хотелось, чтобы она и дальше смотрела на меня так же, как смотрела до сих пор, – этим чистым взглядом, еще не замутненным всякими претензиями, обидами и тем, что знаешь о человеке плохого, – так что, наверное, не стоило рассказывать ей, например, почему меня уволили из центральной музыкальной школы...

С другой стороны, было ясно, что, если я хочу понять, как именно ее муж упал с обрыва на Дороге Смерти и что она делает тут со мной, вместо того чтобы сидеть по нему шиву, нужно сделать первый ход.

– Ладно, – сказал я. – Короче, когда я... вернулся из... Боливии?

– Да.

– Орна, моя бывшая жена, она... вдруг решила забыть о наших договоренностях и потребовала, чтобы Лиори проводила меньше времени у меня. Она сказала, что я не смогу создать для Лиори должные условия, потому что... я потерял работу в музыкалке, другой постоянной работы у меня нет, да к тому же я взял и уехал за границу на две недели. И вообще, я ненадежный, как и мой отец. Тогда я позвонил ей

и сказал, что хочу встретиться с глазу на глаз. Она ответила, что хотела бы, чтобы на встречу пришли и адвокаты, а я сказал, что ей же самой будет лучше, если адвокаты не придут. По крайней мере, на эту встречу. Тем же вечером мы встретились, дело было в кафе в районе, который когда-то был нашим районом. Я сказал ей, что не позволю отнять у себя ни минуты времени с Лиори, девочке нужен папа, и если она немедленно не вернется к нашей изначальной договоренности о том, с кем и когда будет Лиори, я донесу в налоговую, что у нее на фирме ведется двойная бухгалтерия. Она сказала, что не может поверить, что я способен на такую низость, а я ответил, что если она не хочет, чтобы следующие отношения у нее начались в тюрьме, то пусть еще раз обдумает свой план. И тогда она сказала: Омри, это же я, почему ты так себя ведешь? И тут я просто встал и ушел из кафе. Не заплатив.

– Так почему она наговорила тебе столько всего? – спросила Мор, и я почувствовал, что ее рука в моей слегка передвинулась – значит, ей было некомфортно.

– Потому что, если честно... после развода я не мог взять себя в руки. И мой отец в самом деле был ничтожеством. Из тех мужчин, которые могут летом забыть ребенка в машине с закрытыми окнами. Я действительно не чемпион по соблюдению правил, у меня не получается... всегда все делать как надо. Но Лиори? Я не давал ей ни малейшей возможности это почувствовать. Она была за мной как за каменной сте-

ной. Можно сказать, за несокрушимой скалой¹⁸.

– Я тебе верю.

– Ты слышала только мою версию. Поэтому тебе легко поверить.

– Нет. Еще когда мы ели мороженое, я поняла, Омри, что ты чудесный папа.

– Но как?

– Я спросила, надолго ли ты приехал, и ты ответил: максимум на две недели, больше не смогу. Из-за дочки. Ты сказал, что тебя и так раздирает от тоски по ней.

– Так и есть.

– Из-за этой фразы я и пришла к тебе в хостел. Из-за того, как ты говорил о своей дочке.

– Правда?

– Я знала, что ты не станешь пользоваться моментом.

– Вау.

– Но, Омри, – начала она – и замолчала. И почесала ногу свободной рукой. Буквально расцарапала.

– Что? – спросил я.

– Моя история... куда хуже.

И с этими словами она впервые сама дотронулась до меня. Ее тонкие пальцы обхватили мои грубые пальцы, как будто она хотела удостовериться, что я никуда не убегу даже после того, как услышу, что произошло. На одном пальце было обручальное кольцо.

---

¹⁸ «Несокрушимая скала» – название военной операции в Газе летом 2014 года.

– Так что именно произошло?

Она не ответила, только тяжело вздохнула. Наклонила голову, как зверь, который сдается на милость более сильного зверя.

Иногда, когда я молчу вместе с кем-то еще, мне слышится какая-нибудь песня. Как саундтрек к фильму. Бывает, я понимаю сразу, почему именно эта песня. А бывает – только сильно позже.

Ты красивей всего, когда пьяна,
Не отличаешь добра от зла
И красоты от...

У меня в голове зазвучали эти строчки – из забытой песни «Церкви Разума»¹⁹.

– Знаешь что? – сказал я. – Есть идея. Мы с Орной это делали, когда ходили к психологу вдвоем.

– Что, как мы знаем, сильно помогло, – вставила Мор и подняла голову.

Я рассмеялся и подумал: у меня никогда еще не было подруги с хорошим чувством юмора. Всегда я должен был смешить. И продолжил:

– Каждый раз, когда любому из нас было трудно что-нибудь сказать, психолог предлагала рассказывать в третьем лице.

---

¹⁹ «Церковь Разума» – израильская рок-группа 1990–2000 годов.

– В третьем лице?

– Он, она, они.

– Как в книжках?

Я кивнул.

– Типа «одна кудрявая девушка полюбила парня, она поехала с ним в свадебное путешествие, будучи уверенной, что все хорошо...»?

– Именно.

– Ладно, подожди минуту.

– Не торопись.

Она развязала шнурки на своих красных кедах. А потом завязала их снова, еще крепче. На правой ноге, потом на левой. Как будто собиралась отправиться в путь. И только потом заговорила.

– О'кей... Значит... Эта девушка... кудрявая... Если в чем-то она и была уверена, перед тем как поехать в свадебное путешествие, так это в том, что знает своего мужа. В конце концов, они были вместе еще со школы, они оба тосковали друг по другу в армии, потом вместе жили в однушке, пока учились в университете. Он учился математике в Технионе²⁰, а она сменила четыре факультета, пока не определилась: клиническая социальная работа, бакалавриат и магистратура вместе. После выпуска они почувствовали, что пришло время поехать в путешествие-после-армии, в которое в свое время не поехали, но только возникла одна проблемка: она

---

²⁰ *Технион* – один из университетов в Хайфе.

работала на «телефоне доверия» сменами, он давал частные уроки скрипки, а денег не было от слова «совсем». И тогда мне пришло в голову... то есть... кудрявой девушке пришла в голову мысль: давай поженимся у твоих родных, на природе. Твои друзья будут играть, еду приготовим сами, а на деньги, которые гости подарят, поедem в Южную Америку. Так и получилось. Даже без театральных сцен, когда предлагают руку и сердце, обоим было понятно, что эта история на всю жизнь, и даже если иногда в кудрявой девушке просыпался интерес к другим мужчинам – в конце концов, она и мороженое выбирает у прилавка часами, всё хочется попробовать, – то этому интересу она не давала ходу вплоть до Ла-Паса. И даже там, честно говоря, если бы он не начал откалывать номера, то ничего бы не случилось.

* * *

- Ты что-нибудь понимаешь, когда рассказывают в третьем лице?
- Да.
- Как будто это произошло с кем-то еще, если так рассказывать.
- В том-то и фишка.
- Ох, вот бы это и правда произошло с кем-нибудь еще. Омри, дождь начинается. Отдать тебе куртку?
- Да ну. Рассказывай дальше.

– О’кей... Так вот... все началось уже в самолете. Он все время жаловался. На еду. На обслуживание. На звук в наушниках. А ей как раз нравилось это время, когда не нужно было ничем заниматься. Когда самолет трясло над океаном, он страшно напрягался – а она как раз была абсолютно расслаблена. По другую руку от нее сидел мужчина в костюме, который играл во что-то типа усовершенствованного кубика Рубика, она спросила у него, что это такое, и они разговорились и так приятно поболтали. Ронен тогда ничего не сказал, но, когда они ждали чемоданов у багажной ленты, его вдруг прорвало: знаешь, не со всеми нужно заводить дружбу. Она не ожидала от него столько яда – и просто ничего не ответила. Но, когда они добрались до хостела, выяснилось, что комната тоже не такая, как надо, и он настоял, чтобы они переселились в другую. Ночью во сне он разговаривал – произносил слова, которые не соединялись в предложения, – такого не было с тех пор, как умер его папа.

Через несколько дней стало очевидно, что с ним что-то не так. Он вообще ей не улыбался, считал каждое сентаво и все время вычислял, сколько они потратили и сколько осталось. По ночам он разговаривал сам с собой, к нему было не сунуться. Каждый раз, когда она касалась его, он отшатывался, будто она заразная, и единственный раз, что они... спали вместе, он буквально испытывал ярость, как если бы она ему сильно насолила. Когда она сказала: знаешь, так мне неприятно, он буркнул: что, нельзя поэкспериментировать? И с тех

пор полностью утратил интерес к... близости с ней. Стал ложиться спать на краю кровати, отодвинувшись от нее. Зато когда они были в обществе других людей – в автобусах, в кафе, – он не отпускал ее и, даже когда она ходила в туалет, провожал ее взглядом сыщика.

* * *

– Да уж, такое трудно вынести, – признал я.

– Ты смотришь так, будто хочешь что-то спросить, – сказала Мор. – Так давай спрашивай.

Наши пальцы все еще были сплетены. А тучи над нами угрожали в любой момент извергнуться ливнем.

– Если вам было так плохо, – спросил я, – почему вы не сели в самолет и не вернулись домой?

– Почему *они* не сели в самолет, ты имеешь в виду?

– О, значит, третье лицо тебе подходит?

– Как выяснилось.

– Рассказывай.

– Так вот, с каждым днем ее муж чуждался ее все больше и больше, и неделю спустя она и правда спросила его, не хочет ли он вернуться в Израиль, и он ответил, что нет. А она сказала: непохоже, чтобы тебе здесь нравилось, а он посмотрел ей в глаза и сказал: извини, я не знаю, что со мной происходит, я все время думаю о папе, все время вспоминаю, как он упал в гостиной, и вообще, у меня все время какие-то

дурные мысли, которые не получается остановить, а она ответила: не страшно, это мы вместе переживем, и погладила его по спине, он не отпрянул, и она подумала, что это хороший знак.

И действительно, потом было несколько чудесных дней, когда он оказывал ей маленькие знаки внимания типа: давай я понесу твой рюкзак, хочешь, закажем кофе в ресторане, как тебе идут эти штаны, эта блузка, зачем смотреть на природу, когда можно смотреть на тебя? А потом все это внезапно кончилось. Они были на солончаке, и она задержалась, чтобы поговорить с экскурсоводом. Ей просто было интересно, как так получилось, что озеро стало красным, и, возможно, во время разговора она дотронулась до этого парня локтем, потому что она в принципе любит касаться собеседников, но это не оправдывает сцены, которую Ронен устроил ей потом, в комнате. Она даже пересказать это не может – настолько это было унижительно, но вот что точно – он называл ее шлюхой и... тупицей. И как бы то ни было, тут она сломалась. Так долго она пыталась понять его, принять смену его настроений – и в одну секунду все это ушло. Теперь только гнев и равнодушие. Она сказала ему, чтобы он никогда больше не смел так с ней разговаривать, что если это случится еще хоть один раз – она просто бросит его, и неважно, медовый месяц это или нет, она просто не будет терпеть такое отношение. Она была уверена, что он начнет спорить, но вместо этого он встал на колени, вот прямо в той

комнате, на грязном полу, стал целовать ей руки и умолять, чтобы она его простила. Он обещал, что это больше никогда не повторится, и предложил завтра вернуться в Ла-Пас, там он пойдет в аптеку и купит успокоительное, лишь бы она его не бросала, потому что этого он не вынесет, это окончательно его добьет...

* * *

– То есть... прямо после этого я встретил вас в кафе-мороженом?

– Да, через два дня после этого.

– О, какой тайминг.

– Скажи, Омри, что... что ты подумал обо мне тогда, в кафе?

Подумал, что ты на самом деле не так рада, как хочешь показать, хотел бы я ответить. Но вместо этого переспросил:

– Что я о тебе подумал?

– Да.

Она впервые кокетливо мне улыбнулась, кокетливо – и одновременно грустно. Как будто слишком хорошо знала, чем заканчивается любое кокетство.

– Ты понравилась мне, – улыбнулся я в ответ. – Точно. Но чего я никак не мог себе представить, так это что...

– Что я постучусь к тебе посреди ночи.

– В лосинах и красной клетчатой рубашке. С расстегнутой

верхней пуговицей.

– И ты все это помнишь!

– Разве такое можно забыть?

– Если честно, я тоже не могла этого себе представить.

– Так что произошло-то?

– Может... я дальше расскажу?

* * *

На следующий день они поехали на автобусе в Ла-Пас. Пока ехали, он заснул у нее на плече. А она не смогла уснуть. Как будто заразилась от него вирусом дурных мыслей. Она думала, как выдержать с ним еще месяц. Может, симулировать какую-нибудь тяжелую болезнь и попросить улететь раньше, а заодно дать ему почувствовать себя сильным? Но что за ерунда – симулировать болезни, кто симулирует болезни во время медового месяца, так не должно быть. И вообще, почему во время медового месяца они занимаются сексом только раз в две недели, почему во время медового месяца он назвал ее шлюхой и тупицей, а она чувствует себя шлюхой и тупицей только потому, что он ее так назвал? Может, она его больше не привлекает? Может, их чувства иссякли еще до свадьбы, а сейчас они оба – как курорт после окончания туристического сезона? Ее плечу было тяжело. Она слегка передвинула его голову, но всякий раз, когда автобус трясло, голова снова соскальзывала и сильно давила

ей на ключицу...

В первую очередь она чувствовала, что ей надо побыть одной. Несколько часов наедине с собой. Привести голову в порядок. Утром того дня, когда они встретили... *того высокого, который в разводе*, она спросила: можно сегодня утром я пойду погулять по городу одна? Она спросила это как могла деликатно, но он просто ответил: нет, к сожалению. И добавил: мне кажется, таблетки помогают, но я еще не готов оставаться наедине со своими мыслями, уж точно не в этой депрессивной комнате. Она хотела напомнить, что им порекомендовали красивый хостел в городе и что именно он отменил этот вариант из-за его дороговизны, что именно из-за этого они «в этой депрессивной комнате», но вместо этого сказала: отлично, тогда пойдем есть мороженое, я слышала, что здесь есть кафе, где много разных редких видов, недалеко от «Lobo»²¹. А по пути туда они встретили *того высокого, который в разводе*, – с начала путешествия он был, по сути, первым человеком, кроме Ронена, кто говорил с ней на иврите. Сначала она подумала, что он выглядит как викинг – такой высокий, с волосами, собранными в хвост, но он ответил ей на иврите, и от того, как легко с ним было и какое тепло он излучал, ей стало еще яснее, насколько сложная и бесперспективная ситуация у них с мужем. Муж, кстати, сидел с ними и насупленно молчал все время разговора. После этого они проводили израильского викинга, – оказалось,

---

²¹ *El-Lobo* – гостевой дом в центре Ла-Паса.

что у него красивое имя, Омри, — они проводили Омри до его хостела. Это был как раз тот хостел, который им рекомендовали и где она хотела остановиться. Через плечо Омри она увидела во внутреннем дворике журчащий фонтан, и этот фонтан взбесил ее больше всего на свете: она поняла, что с начала путешествия страдает от диктатуры. Диктатор и сам несчастен, но именно его несчастье и позволяет ему управлять ею. Именно из-за этого он сказал ей через секунду после того, как они ушли от Омри: ты выглядишь просто жалкой, от каждого мужчины, что мы встречаем, ты добиваешься внимания. Она не ответила на его гадкую реплику, а ночью легла спать в пижамных штанах и, как будто ничего не случилось, дала ему обнять себя, потом подождала, пока успокоительное, которое она купила ему в аптеке, вырубит его. А когда он заснул, легонько потянула его за бородку, чтобы убедиться, что он крепко спит, потом переоделась в лосины, надела сережки и вышла. Сначала, если честно, она не знала, куда пойдет, и только дышала воздухом свободы. Но ноги сами привели ее к хостелу Омри. И даже тогда она не подозревала, чем может закончиться этот визит.

* * *

То, как Мор поцеловала меня в хостеле, — вспомнил я, — было не менее удивительно, чем сам поцелуй: со всей страстью. И я ответил ей так же. Ее рот был широко раскрыт,

было очень горячо. Очень горячо. Я стал задыхаться. Я слышал, что задыхаюсь. Когда я был в армии, мне сделали операцию на носовой перегородке, она не удалась – и с тех пор я дышу в основном ртом. А поскольку рот был занят, я остался без воздуха. Но задыхаться в ее обществе мне было приятно. Может быть, потому, что я чувствовал, как она вся дрожит. Ее легкая дрожь передалась мне: она коснулась языком моего языка. Во время таких поцелуев руки сами собой начинают свое путешествие по телу партнера. Но в тот момент, когда я прикоснулся к ее талии под клетчатой рубашкой, она оторвалась от меня. Резким движением. Отодвинула меня рукой и наградила последним взглядом, который трудно было понять. Погладила по щеке, сказала «спокойной ночи» и вышла из комнаты.

* * *

– Ты когда-нибудь изменял Орне? – спросила Мор и легонько сжала мою руку, в мгновение ока возвращая меня в Галилею. В настоящий момент.

– Нет.

– А хотел?

Было немного. С психологом, которая занималась с Лиори. Она мне откровенно симпатизировала, и в какой-то момент я заметил, что иногда фантазирую о ней, хотел я сказать. А вместо этого произнес:

– Ближе к концу – да. Чтобы отплатить ей. Но что-то... останавливало меня. Не знаю что. Может, я просто не такой человек.

– Вот и *она* тоже нет. Кудрявая.

– Что – она тоже нет?

– За все время с Роненом она и пальцем не дотронулась до другого мужчины.

– Вау.

– Но когда это уже произошло, когда она вышла из хостела... викинга и брела по пустынным улицам города, она не чувствовала вины. К своему собственному изумлению. Наоборот, она чувствовала, что этим поцелуем разрешила целый клубок проблем, которые мучили ее, и когда она легла в кровать рядом с мужем, то почувствовала, что теперь, вернув себе свободу, может снова его полюбить. Утром она открыла жалюзи, чтобы комната наполнилась солнечным светом, и сказала ему: вставай, идем в поход. Он сказал: как, что, когда, а она ответила: сейчас, солнце. Помнишь, как мы гуляли, после того как твой папа?.. Мы ходили и ходили, пока ты не улыбнешься? Помнишь, как это тебе помогло? Вот сейчас – то же самое: тебе нужно быть на свежем воздухе. Он начал было: да, но, – однако она перебила его и применила буквально ядерное оружие: кстати, Ронич, в походе гораздо дешевле. День похода – экономия в пятьдесят долларов!

Маршрут El diablo начинается на одной из вершин Анд, оттуда надо спускаться два-три дня – в зависимости от тем-

па ходьбы – в Коройко, городок на краю джунглей. Большая часть пути на местности не обозначена, поэтому они ориентировались по путеводителю, который написал немец по имени Дитер Лемке, а она распечатала с сайта для путешественников: «От точки, где вас высадит грузовик, идите пятьсот метров до бочки. От бочки отходит тропинка. Если вам повезет...» – а им повезло – «...слева будут пастись альпаки. Пройдя альпак, поднимайтесь на правый берег, пока не доберетесь до брошенной сторожки» – и так далее. И так далее.

В первый день Ронен шел за ней молча. И только на второй день утром, когда они закончили складывать палатку, он сказал ей: хорошая идея пойти в поход, а она ответила: ты даже не представляешь себе, как я рада, что ты это сказал, Ронич. А он такой: за время похода мы не встретили ни души, а она такая: разве это странно? А он: это хорошо.

Они шли дальше – и пейзаж вокруг них менялся. Снег таял, и вода стекала вниз водопадами, под которыми они пытались пройти, не намочив, а потом собиралась в бурные потоки, через которые они переходили по подвесным мостам. Каждый раз, когда в мостике не хватало бревна или нужно было перескочить с камня на камень, он протягивал ей руку, и каждый раз она бралась за нее. Оба понимали, что с каждым таким прикосновением они вновь вызывают в памяти тот момент, когда признались друг другу в любви, и вновь подтверждают свое признание. Это было на смотровой

площадке в Гар-Халуце²², вскоре после того как она показала ему точку, откуда видно и Средиземное море, и Кинерет, они побродили там и решили возвращаться. К тому моменту они встречались уже почти две недели, но ни один из них не решался перейти от разговоров к прикосновениям. Если честно, она уже начала подозревать, что девушки его вообще не интересуют. И тут она оступилась. Перескакивая с камня на камень. Буквально оступилась, совсем легко. Он протянул ей руку, и она ухватилась за нее и не отпускала, даже когда они вышли на ровную местность. Так и шли всю дорогу до его дома. Почти час. И там, за дверью его комнаты, на которой висела доска для дартса, они поцеловались, он раздел ее и все время останавливался, чтобы спросить у нее взглядом, можно ли продолжать, и, когда увидел у нее справа от пупка большое родимое пятно в форме Африки, которое казалось ей уродливым и которого она так стеснялась, что годами не мылась в душе в общественных раздевалках, он встал на колени и поцеловал его со словами: оно такое красивое, ты такая красивая.

На второй день похода начался дождь. Даже не дождь, а потоп.

Если верить путеводителю Дитера, им оставалось совсем немного до деревеньки, так что они побежали туда с рюкзаками, подпрыгивающими за спиной, чтобы успеть найти

---

²² Поселок в 10 километрах от Маалот-Таршиха и в 15 километрах от Мицпе-Ги́ла.

приют до наступления темноты, и постучались в первый попавшийся дом. Им открыл какой-то беззубый человек, он говорил на древнем языке с большим количеством согласных. Не по-испански. Они попытались объяснить ему жестами, что промокли под дождем, он кивнул и подал знак идти за ним. Ронен процедил на иврите, что это выглядит опасным, а она громко ответила ему: расслабься, у него хорошие глаза. И правда, этот человек привел их к маленькой постройке в центре деревеньки, погромыхал огромной связкой ключей и открыл один из классов в школе, со стульями, партами и доской. Снаружи продолжался потоп, но теперь они были в безопасности, сидя в своем Ноевом ковчеге. Они расстелили спальники на возвышении, предназначенном для учителя, и так крепко заснули, что не слышали даже, как утром в класс зашли дети и столпились вокруг них. И только когда учительница стала трясти их за плечи, они проснулись, и, видимо, их недоуменные лица выглядели смешно, потому что дети, все семеро, и учительница вместе с ними покатались со смеху и смеялись так свободно, что и *они* двое тоже засмеялись; точнее, она засмеялась, а Ронен улыбнулся, по-настоящему улыбнулся под своей бородкой; а потом, раздав детям конфеты из рюкзака – путеводитель настоятельно рекомендовал запастись конфетами, чтобы раздавать их детям, настолько фундаментально подошел к своей задаче Дитер, – они сложили спальники, вышли из класса и двинулись дальше по своему маршруту. Все вокруг сверкало от капель до-

жды и солнечных лучей, и они пели дуэтом «Дети – это радость»²³, она за солиста, а он – за скрипку, он пел высокие ноты и двигал рукой так, как будто водил смычком по струнам. Они допели, и он сказал: может, когда вернемся в Израиль, я снова буду выступать, и она сказала: это будет замечательно, и подумала: ну наконец-то! Мой Ронен, который своей любовью залечил мои детские травмы, благодаря которому я наконец узнала, что значит чувствовать себя дома, – снова со мной.

Но, когда они вернулись из похода в Ла-Пас, ее Ронен снова был напряжен, как колючая проволока. Она уже настроилась на несколько дней отдыха с теплой ванной и возможностью полежать в гамаке, но он стал жаловаться, что Ла-Пас некрасивый, его напрягали слепые и хромые на улицах и то, что ему все время пытаются что-нибудь продать, и эта комната в хостеле – кто вообще селит постояльцев в комнату без окон? И пустой аквариум в лобби – что это вообще? Где вода? Где рыбки? Он боится, что дурные мысли снова вернутся к нему, поэтому смотри, сказал он, у Дитера Лемке есть велосипедный маршрут по Дороге Смерти, точнее, когда-то она была Дорогой Смерти, а сейчас, из-за того что там случалось много аварий, она закрыта для машин, ездить на ней можно только на велосипедах, и Дитер написал в своем блоге, что виды – *astonishing*²⁴.

---

²³ Песня группы «Естественный отбор» (слова Йегошуа Соболя).

²⁴ Потрясающие (*англ.*).

Она хотела сказать ему, что рассчитывала немного отдохнуть, но она тоже боялась, что дурные мысли и странное поведение вновь вернуться, и не хотела подвергать риску близость, которая заново создавалась между ними. Так что в конце концов выбора не осталось: она согласилась отправиться завтра на Дорогу Смерти.

* * *

– Ух, сколько я болтаю, – перебила себя Мор и поднесла палец к губам, будто пытаясь заставить себя замолчать, а потом посмотрела на меня таким взглядом, который я и сейчас не смогу правильно описать. Может быть, дело в том, что он задержался на вырезе моей рубашки...

– Не волнуйся, – сказал я. – Продолжай.

– Вообще, я больше люблю слушать, – заметила она, не отводя глаз.

– Помню, – сказал я, – по Ла-Пасу.

– Так получается, когда ты... – Она остановилась на минуту и начала заново: – В восемь лет у меня был узелок на связках. Мне сделали операцию, и после этого месяц нельзя было разговаривать. Целый месяц я только слушала.

– Это была подготовка к «телефону доверия».

– Точно.

– Но сейчас рассказывай, пожалуйста, дальше. А слушать буду я.

– Мне жжет горло, Омри. Кажется, что если буду рассказывать дальше, то в конце концов... расплачусь.

– А это плохо?

– Если я заплачу, то уже не остановлюсь. А это плохо. Сейчас мне надо быть сильной.

Интересно, зачем ей, в сущности, быть сильной, подумал я. И спросил:

– Тебе не... Ну то есть я-то могу здесь оставаться до завтра, а вот тебе не... надо возвращаться на шиву?

– Надо, – коротко вздохнула Мор, и вздох был похож на болезненный стон. Затем она снова подняла на меня взгляд: – Но мне нужно кому-нибудь рассказать эту историю.

– Ладно.

– О'кей, – она сделала вдох, глубокий вдох, и только после этого заговорила: – Когда она... проснулась, ей захотелось пойти позавтракать, но тут выяснилось, что дверь заперта снаружи, то есть муж забрал запасной ключ, и тут... Сейчас, Омри, наверное... перед тем как продолжить, нужно кое-что рассказать о *ней самой*. У нее четыре сестры, все они, в отличие от нее, пай-девочки, и их отец, боясь, что она на них дурно повлияет, все время ее наказывал. Если она опоздала с вечеринки. Или непочтительно с ним разговаривала. А одно из любимых наказаний у него было такое: он запирали дверь ее комнаты снаружи и не выпускал ее до утра, даже в туалет. Так что после того, как она поняла, что муж закрыл ее в комнате хостела, все эти ночи унижений, когда ей при-

ходилось справлять нужду из окна во двор многоквартирного дома, бросились ей в голову, и она попыталась снести эту дверь силой, толкая ее и колотя по ней, но это не привело ни к чему, кроме адской боли в плече, и, когда он вернулся с велосипедами, она была уже просто в истерике. Может быть, если бы он соврал ей, что это по ошибке, что он не собирался забирать запасной ключ, она бы успокоилась. Но вышло наоборот: не сделав ни малейшей попытки извиниться, он сообщил ей, что захватил с собой ключ, потому что ходил брать напрокат велосипеда и не хотел, чтобы она пошла завтракать и кокетничала там со всякими людьми.

Она спросила его: ты что, назначил себя моим тюремщиком? А он ответил: ты не оставила мне выбора.

Теперь, когда она это рассказывает, а тем более в третьем лице, ей ясно, что в тот момент она должна была понять, что он совершенно чокнулся, и вести себя соответственно, то есть оберегать себя, попросить кого-нибудь вмешаться, а может, отправить его на самолете в Израиль, чтобы его там госпитализировали, – уж точно не продолжать спорить. Но тогда она была в истерике и не могла посмотреть на ситуацию со стороны, а кроме того, ей хотелось дать ему сдачи, причинить ему боль, дать ему словесную оплеуху такой силы, чтобы это вновь заставило его стать собой, и поэтому она рассказала о своей ночной встрече с разведенным викингом в Ла-Пасе. Рассказала ему: мол, я пошла. Рассказала: после того как ты заснул. Рассказала о поцелуе. И еще о других ве-

цах, которых на самом деле не было. А потом... — она и не знала, что в ней так много злости, она ведь и мухи не обидит! — когда она увидела, что ее словесная оплеуха не оказала никакого эффекта, ему просто наплевать, она начала бить его кулаками в грудь. Видишь? Удар. Вот что бывает, когда ты меня запираешь! Удар. Все из-за тебя! Удар. Это ты подтолкнул меня к этому!

* * *

— Не смотри так на меня, Омри.

И она в одно мгновение высвободила свои пальцы из моих.

— Так — это как?

— Как будто я совершила чудовищную ошибку, рассказав ему о нас. Конечно, я совершила чудовищную ошибку.

* * *

Над нами стали кружить орлы. Или не над нами, а над какой-то невидимой для нас падалью. Мор посмотрела на них. Я посмотрел на нее и обратил внимание — впервые, — сколько серебряных ниточек вплетено в ее кудри — куда больше, чем бывает в ее возрасте.

— Правда ведь, что в кино, — повернулась она ко мне, —

когда женщина бьет мужчину кулаками в грудь, он крепко обнимает ее и удерживает, пока она не успокоится?

– Правда.

– Так вот, на самом деле все по-другому.

– А как было на самом деле?

– Ронен только оттолкнул... ее от себя, горько улыбнулся и сказал: я знал, – а она такая: но... а он такой: моя мама всегда говорила, что ты как уличная кошка – пойдешь за любимым, кто даст плошку молока, – а она такая: я могу тебе ответить, но не стану опускаться на этот уровень; а он сел на кровать, засунул кисти рук себе под бедра, как будто пытаюсь сдержать их, пока можно, и сказал зло, а не умоляя: ты не понимаешь, что я не могу без тебя жить? А она села рядом с ним и сказала: ты не обязан жить без меня. И добавила: извини, Ронич, мне очень жаль, что я пошла к нему. И он улыбнулся совсем горько, не дотронувшись до нее, посмотрел на два велосипеда, которые принес и которые теперь стояли посреди комнаты, и сказал: я заплатил за них кучу денег. А она подумала: его правда интересует сейчас именно это? И сказала: ну давай, едем, а он... Он ответил, без воодушевления: хорошо. Но при одном условии. А она: слушаю. А он такой: твой телефон – у меня. Чтобы ты не переписывалась с этим Омри у меня за спиной. А она: у меня даже нет его номера. А он сжал губы и повторил: такое у меня условие. А она – из желания загладить вину – достала из кармана телефон и протянула ему: бери. Надеюсь, что это его успокоит.

Но, как только они выехали на Дорогу Смерти, он снова замкнулся в себе, почти не разговаривал с ней, следил, чтобы между их велосипедами сохранялась дистанция: держался на два-три проворота педалей впереди. Она ждала, что его обида пройдет, и думала, что раз он сам решил отправиться в поход – то это уже добрый знак, и не сказала ни слова о том, что дорога ужасающе узкая, что нет ограждения, что она старается смотреть только вперед и налево, чтобы ненароком не посмотреть направо, в глубокое ущелье, она не обменялась ни взглядом, ни кивком с велосипедистами, которые ехали им навстречу, и стала презирать саму себя за то, что поддалась диктатуре, и в то же время тешила себя надеждой, что их медовый месяц еще можно удержать от падения в пропасть. Она понятия не имела, что у него созрело совсем другое решение. Он стал вести себя с ней как с совершенно чужой. Даже когда они проезжали мимо крестов, воткнутых в землю в память о тех, кто погиб на этой дороге, – у нее от каждого такого креста кровь стыла в жилах, и она сбавляла скорость, – он не произносил ни слова. Оставался закрытым от нее на всю длину молнии, как в спальнике.

По ночам в палатке от перенапряжения и холода у нее иногда сводило мышцу на ноге. Днем он ехал быстро, а во время редких привалов молчал и смотрел на все, что угодно, только не на нее, и лишь через минуту-две говорил: так, я все – и тут же садился на велосипед, и ей приходилось прилагать немало усилий, чтобы не отстать, чтобы не дать ему

скрыться в тумане — а туман был почти все время, — но она не хотела просить его ехать помедленнее, чтобы не выпустить джинна из бутылки, да и надеялась, что, пока он будет яростно крутить педали и потеть, весь его гнев выйдет через поры и он, наверное, сможет простить ей глупость, которую она совершила, и глупость, которой она не совершала, но о которой рассказала ему, да, в тот момент она еще надеялась, что все встанет на свои места, и все время напоминала себе, что сказал ей тогда, в своей комнате, викинг: путешествие — это исключительное обстоятельство, и некоторые люди раскрываются в нем с хорошей стороны, а некоторые... Ты помнишь, как говорил мне это?

— Конечно.

— И вдруг она вспомнила единственный их отпуск за последние несколько лет, в Ахзиве²⁵, когда они окончили университет. Всю дорогу Ронен тогда жаловался, что вышло дороже, чем он думал, что ему слишком жарко, а потом — что слишком холодно, слишком много песка... А за ужином, когда все постояльцы собрались вокруг нее и она болтала с ними, он достал книжку о последних днях Гитлера в бункере и читал ее, но ни разу не перевернул страницу, а потом наклонился и сказал ей: так, я все, но ты можешь оставаться тут и кокетничать с кем захочешь; и по дороге в домик он шел на полметра впереди нее, и когда она спросила, почему он идет так быстро, он не ответил, а когда они добрались до

---

²⁵ Поселок в Западной Галилее.

домика, он открыл дверь пинком и упал на матрас без сил, хотя ничего в тот день не делал, повернулся к ней спиной и тут же заснул, а во сне говорил – рублеными фразами, как на шиве по его отцу...

– Звучит ужасно...

– Не обязательно супругам должны нравиться совместные путешествия, говорила она себе. Нам нужно только пережить Дорогу Смерти, вернуться домой и больше никогда не ездить в отпуск вместе.

– Я волновался за тебя, когда ты ушла от меня посреди ночи, ты знаешь об этом?

– Правда?

– Утром я проснулся и стал вас искать по всем хостелам в Ла-Пасе. У меня было предчувствие... Дурное предчувствие.

– Какой ты милый, – сказала Мор.

Эта ее интонация меня взбесила – «Какой ты ми-и-и-илый». Кто это тут «ми-и-и-илый», я что, маленький мальчик? В общем, я не стал ей говорить, что в конце концов отправился вслед за ними. Вместо этого слегка кивнул – мол, продолжай.

И она стала рассказывать дальше – заново переживая события, о которых говорила.

– По ночам она просыпалась в палатке от острой боли в мышце, которую свело, но сдерживалась, чтобы не закричать и не разбудить мужа, не выходила из палатки в туалет, да-

же если хотелось, чтобы он ни в коем случае не проснулся именно в этот момент и не подумал, что она пошла к другому мужчине. Сейчас, рассказывая это, она понимает, что тогда уже все было кончено. В походе она не могла наслаждаться прекрасными видами, которые то и дело пробивались через туман, – белые вершины Анд, извилистая серебристая лента реки Юнгас, бурная растительность, низкие облака, водопады, стекающие на дорогу, – все это там было, но не оставило у нее воспоминаний, как картина в музее: ты видишь, что она красивая, но она не затрагивает в тебе никаких чувств, – и тем не менее из любви к нему, которая в ней еще осталась, и из-за мысли «что я наделала, зачем во время медового месяца я целовалась с другим мужчиной», которая ее все еще мучила и заставляла чувствовать себя потаскухой, как он ее называл, или распушенной, как называл ее отец, – она каждое утро вытаскивала себя из спальника, складывала рюкзак, садилась на велосипед и весь день ехала в двух-трех метрах позади него, и каждый раз, когда им приходилось останавливаться – например, когда сходила лавина и загораживала дорогу, – она пробовала закинуть ему приманку, то одно слово, то другое, – может, хоть какое-нибудь он подхватит: «Похоже немного на Шаар-ха-Гай²⁶, да?», «Ты видел, мы проезжали груды камней с именами на иврите? По-моему, я читала об этой аварии на сайте для путешественников. Восемь че-

---

²⁶ Место по дороге между Тель-Авивом и Иерусалимом, на границе прибрежной низменности и Иерусалимских гор.

ловек. Джип».

Она пробовала еще напевать песни, – может, он подпоет ей, как будто аккомпанируя на скрипке? Или просто подпоет. «Вот минута, и две, и три прошло, пока до Хосе наконец не дошло...», «Каждый год девятого ноября, ни строчки ни написав, ни слова не говоря...», «Ты белый ангел, но не наяву, ты цветок, что я не сорву...», «Маленькие дети, большие дети – всю жизнь мы дети...»²⁷. И так, пока не надоело. Сколько можно говорить и петь, если тебе не отвечают? И при этом не чувствовать себя тупицей?

Отец наказывал ее молчанием. Иногда он не разговаривал с ней целый день. Иногда, если находил у нее в портфеле сигареты, – два дня. А один раз, когда узнал, что у нее роман с руководителем театральной студии, – целый месяц. Она обращалась к нему, а он делал вид, что не замечает. Не отвечал. А если ему что-нибудь было нужно от нее – например, чтобы за столом она передала ему перец, – он просил ее сестру Элишеву, чтобы та попросила ее. Нет ничего более унижительного, правда?

– Правда.

---

²⁷ Цитаты из популярных израильских песен. В первой – «Вот вам мораль» М. Ариэля – два мексиканца идут по горной тропе, и один из них падает, а другой пытается его спасти; во второй – «Фиалки» Й. Гефена – женщина, будучи замужем за бесчувственным человеком, начинает получать цветы и другие знаки внимания от таинственного поклонника и так и не узнает, что им был ее муж; в третьей – «В сердце у тебя» Й. Гефена – герой поет своей возлюбленной о скорой неминуемой разлуке навсегда; в четвертой – «Всю жизнь дети» А. Айнштайна – герой предчувствует скорую смерть и вспоминает детство.

- Спасибо, что ты ответил.
- Пожалуйста.
- Всегда отвечай мне, Омри. Обещаешь?
- Обещаю.

* * *

Мне понравилось, что она сказала «всегда». «Всегда» означает, что у нас есть будущее. Вдруг я представил себе сценку из будущего: через несколько месяцев мы стоим рядом, как стоят пары, расслабленно и спокойно, в клубе «Бар-би» на концерте «Церкви Разума». И от ритма, который задают басы, пол трясется у нас под ногами.

* * *

– Последний отрезок Дороги Смерти, – продолжила Мор, – они ехали в абсолютном тяжелом молчании. Птичий щебет может быть очень приятным – но может и давить на нервы, если он лишь подчеркивает страшную тишину. И еще она помнит, как повизгивала цепь на его велосипеде, как скрипели тормоза на спусках, с каким звуком из-под колес сыпался грунт, как зудели комары у лица.

Они начали маршрут в горах около Ла-Паса, на высоте пять тысяч метров, и спускались, километр за километром,

в джунгли, где полно кусачих насекомых. Погода вдруг резко переменялась: на смену холоду и сухости пришла тропическая жара, пошел дождь, как и сейчас; висели мелкие капельки тумана – по такому туману все еще можно ехать, но земля намокает. Понимаешь, на Дороге Смерти между велосипедистом и пропастью нет ничего, кроме узенькой обочины. Когда влажно, грунт крошится и выскальзывает из-под колес.

Они ехали быстро сквозь туман. По инструкциям Дитера выходило, что ближайшее укрытие через восемь километров, и они надеялись добраться туда до вечера: в темноте ехать станет еще опаснее.

Они двигались по середине дороги. Он – впереди за пять-шесть метров. И вдруг он слегка повернул вправо.

Она сказала: «Осторожно, Ронич, не так близко к обочине!» Он не ответил. И не отъехал от обочины, а, наоборот, буквально прижался к ней. Тогда она закричала: «Ты с ума сошел! Что ты делаешь?!»

Точнее, ей кажется, что она прокричала именно это. Все произошло так быстро, что точно она не помнит... Те слова растворились в тумане...

«Да, я сошел с ума!» – закричал он. И поехал быстрее. «Хватит, Ронич», – она тоже ускорила и уже догнала его. Ей стало слышно его быстрое дыхание и видно, как на его виске блестит пот или дождевая вода. Дождь усилился, он хлестал им в лицо и заливал их слова.

«Ронич, пожалуйста, не по обочине!» – «Да какая тебе вообще разница!» – «Как это? Я люблю тебя». – «Не любишь». – «Люблю. Хватит, Ронич, пожалуйста. Это опасно. Дитер ясно написал, что перед поворотами нужно ехать как можно ближе к скале». – «И что?» – «Ты поскользнешься!» – «Ну и поскользнусь». – «Умоляю, держись дальше от обочины!»

Крутой спуск перед очередным поворотом. Уклон почти девяносто градусов! Я нажала на ручной тормоз, чтобы остановиться, но Ронен летел все дальше и дальше. Я повернула руль налево, чтобы прижаться к скале, но Ронен остался посередине дороги. Хотелось... кричать, но я онемела. В последние секунды я просто застыла, понимаешь? И ничего не делала. Просто остановилась и смотрела, что происходит. Как фильм смотрят. Он ехал дальше прямо, быстро, как будто не было ни виража впереди, ни тумана, и когда он вошел в поворот, то повернул руль вправо – таким резким движением, намеренно, сбросил... просто сбросил свой велосипед в пропасть.

* * *

Потом, когда у меня появились подозрения и вопросы, я вспомнил этот рассказ Мор и усомнился в нем: был ли такой уж густой туман, понесся ли Ронен вперед, когда она остановилась, как вообще ей удалось разглядеть во всех подробно-

стях, что произошло? И почему Ронену нужно было повернуть руль, чтобы полететь в пропасть? Ведь если там оказался крутой поворот, было бы достаточно просто ехать прямо. И как, черт возьми, – при всем уважении к приему, который я сплагиировал у психолога, – она может рассказывать мне свою историю в третьем лице и заговорить в первом именно в самом конце?

* * *

Она положила голову мне на плечо. Сначала меня коснулись ее кудри, потом щека. Это изумило меня не меньше, чем поцелуй в Ла-Пасе. Надо ощущать близость к человеку, чтобы позволить себе вот так положить голову ему на плечо и тем самым признаться, что жизнь для тебя слишком трудна и у тебя нет сил справиться с ней.

Мы долго молчали.

До меня доносился ее запах. В Ла-Пасе я едва успел почувствовать его, у меня только отложилось в памяти, что этот запах приятный. А сейчас я успел распробовать его: тонкий аромат лимонной травы, исходивший от ее волос, и новый запах, которого не было в Ла-Пасе. Может быть, запах страха.

Дождь почти прекратился, ветром приносило только отдельные капли – такие, которые собираются на листьях и потом падают вниз.

Ее рассказ должен был потрясти меня и привести в ярость. Или, наоборот, вызвать сильные подозрения: ведь концы с концами не сходились.

Не то чтобы я не был потрясен или у меня не возникли подозрения. Просто в те минуты во мне появилось новое чувство, гораздо более сильное.

* * *

Из-за облаков пробилось несмелое солнце, оно уже клонилось к морю, почти коснулось его – но нет, только почти.

– Я все время грызу себя, Омри, – сказала она. От первого лица. Сокрушенным голосом. Ее голова все еще лежала у меня на плече. А бедро касалось моего бедра.

– Но что ты могла... – начал я.

– Знаешь, – перебила она меня, – когда Ронена отпускали на выходные из армии, я приезжала встречать его на станции, и за секунду до того, как мы обнимались, он доставал из кармана рубашки темные очки, чтобы они не мешали нашим обнимашкам – так мы называли это на своем языке: мы прижимались друг к другу, пока маленький страх остаться одному, который всегда прячется в тоске, не покидал нас. Понимаешь? Может быть, если бы я обхватила его вот так, сильно, в первые дни медового месяца и мы бы устроили обнимашки – он бы успокоился. А может быть, если бы я не говорила с экскурсоводом на солончаке, если бы мы вообще

не поехали в Боливию, если бы я не пошла к тебе посреди ночи, если бы не согласилась отправиться на велосипедах по Дороге Смерти...

– Кто знает, Мор. Все эти «может быть»...

– У меня был свой маршрут, Омри. Я знала, к чему в жизни стремлюсь. И знала, что прохожу этот маршрут не одна. А сейчас я сбилась с пути. Без понятия, что делать.

– Мне кажется, что... – я осторожно приобнял ее за плечо, – шива для того и нужна, разве нет? Чтобы отодвинуть все эти вопросы на потом.

Она прижалась ко мне, намекая, чтобы я ее обнял.

Я все еще не был уверен, что поступаю правильно. И думал: зачем ты заговорил о шиве, идиот, она же сейчас вспомнит, очнется, вернется туда, и больше ты ее не увидишь.

Но зато наши тела переплетались – без усилий, без сопротивления.

Орлы куда-то улетели.

У меня в голове снова заиграла та самая песня «Церкви Разума». Я пытался отвязаться от нее, но отвязаться от песни, которая уже звучит в голове, – это без шансов, как и остановиться на полпути и не влюбиться.

Ты теряешься больше всего, когда знаешь,
Чего хочешь,
И я такой же.

– Мне не хочется возвращаться на шиву, – после долгого

молчания сказала она.

– Почему?

– Его родные... Я не рассказывала им, что на самом деле произошло. Сказала, что это несчастный случай, что он ехал близко к обочине и просто поскользнулся, и сейчас мне кажется, что они подозревают, и...

– Но почему...

– Они все время проверяют, достаточно ли я скорблю. Так ли я себя веду, как полагается вдове. Но все слезы я выплакала в самолете, мне кажется. Я села в него никакая, четыре дня до этого не спала – и во время полета тоже не смогла заснуть. Поэтому я пила коньяк из пластиковых стаканчиков и плакала. Видимо, в какой-то момент я вышла из себя, потому что люди вызвали стюардессу.

– Вау.

– Она пришла и спросила, что случилось, нужно ли мне что-нибудь, и предложила алкоголь, чтобы я немного успокоилась. Ну я рассказала ей, что случилось. Она вытаращила глаза, села на свободное место рядом со мной, положила руку на мою и попросила, чтобы я рассказала что-нибудь про Ронена. Ну я рассказала. О записках, которые он оставлял мне на холодильнике. О том, как он играл мне Брамса, когда я болела, частный концерт для одной слушательницы, которая после каждой части аплодировала ногами, потому что пошевелить остальными частями тела ей было трудно. И как на свадьбе, когда он увидел, что я стою в сторонке, а моя

семья ко мне подходит, он подошел, обнял меня и сказал: ты не одна, Мор. Я говорила и плакала, плакала и говорила, в конце концов стюардесса тоже заплакала, пересадил меня в бизнес-класс и принесла мне еще коньяка.

– Мило с ее стороны.

– На эту тему его братьям тоже нашлось что сказать, ты знаешь? По пути из аэропорта его брат спрашивает меня: скажи нам, невестка, ты пьяна?

– Но... им-то ты почему не рассказала правду?

– Они бы мне не поверили. Скрыжничество, собственничество, безумие – это вообще не похоже на Ронена. Все эти две недели он выглядел как плохой актер на спектакле в районном доме культуры, когда каждая реплика лишний раз напоминает, что это всего лишь игра. Они бы просто не поверили, если бы я рассказала, что он сам бросился в пропасть. Они бы представили себе что-нибудь похуже.

Я хотел спросить, что значит «что-нибудь похуже». Но не стал.

– Ты веришь мне, правда? – спросила она, подняла голову с моего плеча и посмотрела на меня взглядом, которым сироты в детском доме смотрят на пару, приехавшую выбирать себе ребенка.

– Да, – сказал я, пытаюсь сделать вид, что не испытываю сомнений.

– Тебе легко поверить, ведь ты слышал только мою версию, – сказала она и улыбнулась.

Я улыбнулся ей в ответ.

Она протянула руку к моей щеке и стала ее гладить. Я протянул руку к ней, зажал пальцами один ее локон и стал медленно обвивать его вокруг пальца раз за разом... Локон оказался мягче, чем я думал.

Потом я наклонился к ней – не потому, что так решил, а потому, что меня с ней связывала невидимая веревка. Очень крепкая.

* * *

Этот поцелуй был нежнее того, в Ла-Пасе. И медленнее.

Мои руки гладили ее затылок, а ее руки – мой затылок, мои предплечья, мою грудь, залезли мне под рубашку.

Поначалу все было деликатно. Почти печально. Я чувствовал, что она все еще сдерживается. Все еще сомневается: можно ли целоваться тут, на камне. И хочет ли она этого вообще. Мне тоже было не до конца ясно, чего я хочу. И что я могу. Тогда я ответил на ее осторожность своей сдержанностью. Но по мере того как наши прикосновения становились все приятнее и все откровеннее, мое тело пробуждалось от долгой зимней спячки, и, когда она положила на меня правую ногу, а потом села на меня, оно буквально вспыхнуло. И даже голоса в моей голове, которые предупреждали: что ты делаешь, ты с ума сошел, она вдова, ее муж покончил с собой во время медового месяца, и вы не в помещении, не

дай бог, кто-нибудь вас увидит, — на время замолчали.

Мы с Орной в последние годы почти не занимались сексом. И даже когда занимались, у меня становилось все меньше и меньше простора для прикосновений. Тут ей неприятно. Там — больно. Это ей уже не подходит. Не так. Не на животе. Не пальцем. Не языком. Заниматься с ней сексом — как идти по минному полю. Смотри не ошибись.

А с Мор, на этом плоском камне, будто что-то включилось — и мы были готовы забыть себя; это как игра в хорошем дуэте, дуэте тел, в которой все естественно, все кипит так, как не должно быть, как не может быть между мужчиной и женщиной, которые почти не знакомы; игра, в которой всякое прикосновение желанно, в которой оба чувствуют, насколько оно необходимо. Они касаются друг друга страстно, отчаянно. И это не делает их эгоистами, наоборот, они становятся более щедрыми друг к другу. Игра с неожиданным ритмом. Переменным. Игра, в которой можно наматывать ее локон на палец долгие, тягучие секунды — а потом резким движением схватить за волосы. Или можно вдруг засмеяться, потому что выступ камня уперся куда-нибудь не туда. И снова засмеяться, потому что угодил задом в лужу. Игра, в которой есть радость открытия новых континентов: вот родимое пятно в форме Африки, а вот ощущение от прикосновения губами к соску, а ее пальцы выглядят изнеженными, но царапают сильно, очень сильно, до крови...

Игра, в которой вдруг, в разгар бури, можно остановиться

на мгновение, оглянуться вокруг в панике: что, черт возьми, мы творим? Она должна сидеть шиву. Кто-нибудь может заинтересоваться, куда она пропала. Отправиться на поиски и добраться сюда. Наверное, на всякий случай нужно...

И снова прижаться друг к другу голыми животами. Щечкой к щеке. Зарядиться смелостью, перед тем как снова наброситься друг на друга с поцелуями и укусами. И хочется содрать друг с друга последние тряпки, которые еще разделяют тела.

Игра, в которой женщина так возбуждена, когда мужчина входит в нее, что слово это уже не годится. Двое просто сливаются.

Игра, в которой не остается даже слов, только отдельные слоги.

* * *

И все же я помню, что она сказала кое-что – прямо перед кульминацией:

– Не бойся.

– Что? Чего?

– Когда я кончаю, это звучит... так... как будто я... задыхаюсь.

* * *

Хотя она и предупредила, но, когда этот момент наступил, ее хрип прозвучал пугающе, ее глаза стали вращаться в глазницах, и несколько секунд мне казалось, что звучит сирена. Она перестала дышать – не вдыхала и не выдыхала. И я испугался, что все, баста, ее больше нет, и ужаснулся – в моем воображении одна картинка сменяла другую: я снова одеваю ее и тащу труп в дом Ронена... Кто, черт возьми, приносит труп в дом, где сидят шиву? Как отреагируют гости? И что именно я скажу полицейским, когда они спросят, отчего она умерла? «От оргазма»?

* * *

Тут она медленно открыла глаза.

И сказала:

– Привет.

И еще:

– Спасибо.

– Ты жива? – спросил я.

– Да, – ответила она, – спасибо.

– За что спасибо? – запротестовал я.

– Извини, – вздохнула она и раскинула руки в стороны,

как Иисус на кресте, – я не позволяю дотрагиваться до себя.

– Что ты говоришь?

– То, что слышишь.

– Ты была религиозной?

– Вроде того, – сказала она. И показалась мне вдруг очень грустной.

– Все хорошо? – спросил я.

– Знаешь, – сказала она, – мой муж умер.

– Извини, – ответил я. – Я не то имел в виду...

– Не волнуйся, мне... это было нужно, – сказала она.

– Рад быть к твоим услугам, – отозвался я. И поцеловал ее плечо цвета слоновой кости.

– Что с тобой? – спросила она. – Ты не хочешь кончить?

Холодает. И мне нужно срочно вернуться на шиву.

* * *

Мы шли назад, к памятнику. Когда мы двигались по ней раньше, тропинка была просто грязной, а сейчас грязь была непролазная, и Мор вдруг стала озираться по сторонам, как будто опасалась, что за нами могут следить. Я не понял, почему опасения появились у нее только сейчас, но не хотел ничего говорить. Я ощущал царапины, которые она оставила у меня на спине, – и на мгновение у меня промелькнула мысль: отлично, мне на память останется свидетельство, что это и правда случилось. Ведь каков шанс, что это произойдет

еще раз? И тут я почувствовал, что ее рука ищет мою, расправил ладонь, и мы пошли дальше, держась за руки. Близко друг к другу. Держась за руки. Я думал, что мы хорошо совпадаем в плане ритма. Что нам классно идти вместе.

– Знаешь, – сказал я, – а ведь я отправился вслед за вами. На Дорогу Смерти.

– Что?!

– Я пытался вас догнать.

– Но... как?

– Когда ты ушла от меня ночью, ты была... Я боялся, что с тобой что-нибудь случится. И, если честно... я хотел увидеться с тобой еще раз. Пришлось побродить по городу. Обойти все хостелы. Ты не согласишься, сколько там хостелов. Я потратил кучу времени, пока не нашел ваш. Сеньора на ресепшне сказала, что вы пошли в поход, потом вернулись, а утром снова ушли, и жаловалась, что вы оставили в номере quilombo.

– Quilombo?

– Бардак. Сказала, что слышала крики, но она не вмешивается в жизнь постояльцев. А потом, когда она зашла туда убратся, все было перевернуто вверх дном и зеркало в ванной лежало на полу, разбитое вдребезги. Так ведете себя только вы, israelíes, сказала она.

– Какой позор.

– Я извинился перед ней от имени Избранного Народа и спросил, куда, по ее мнению, вы поехали. И она сказала, что

раз вы взяли велосипеды, то, наверное, на дорогу Юнгас. Я ответил, что не слышал о такой дороге. Она ответила, что гринго называют ее Дорогой Смерти. И тут я запаниковал. Пулей полетел оттуда в центр города, взял напрокат горный велик – и на Дорогу.

– Погоди, – вдруг остановила она меня. – Докуда точно ты доехал?

– Там выставили кордон полиции, – соврал я.

– После большого водопада?

– Велосипедистам не давали проехать. Так что мне пришлось вернуться в Ла-Пас. И все. Через два дня я улетел в Израиль.

– Понятно, – сказала она. И тяжело выдохнула. Помолчала: переваривала новую информацию. И в конце концов добавила совсем другим тоном: – Ну, главное – намерение.

* * *

Когда мы вернулись к машине, она сняла куртку и вернула мне.

– Спасибо, – сказала она.

– Не за что, – ответил я.

– Ты решил для меня большую проблему, – призналась она и посмотрела на меня простым и теплым взглядом. Так смотрят, когда уже не пытаются обмануть или произвести впечатление.

– Буду рад постоянно решать твои проблемы, – сказал я.

– Правда? – спросила она горько. Такой горечи в ее голосе я раньше не слышал.

– Хочешь, я приеду к тебе на неделе? В четверг у меня мастер-класс на севере страны.

– Лучше не надо, – решила она. – Будут лишние вопросы.

– О'кей. Тогда... как? Поговорим после шивы?

– Да.

– На какой номер мне позвонить?

– У меня еще нет... Мой телефон разбился... вместе с Ро-
неном.

– Ясно. Тогда как?

– Я сама тебя найду.

– Ладно. Можно тебя обнять?

– Здесь не надо.

– Тогда представь, что я тебя обнимаю.

– О'кей, – сказала она и слабо улыбнулась, – ты тоже пред-
ставь.

И потом села на велосипед.

Я подождал. Завел мотор, но еще не тронулся. Хотел уви-
деть, обернется ли она. Удостоиться еще одного простого и
теплого взгляда. Она не обернулась. И все же, даже когда она
исчезла за поворотом, я не поехал. Не знаю почему. Может
быть, что-то предвидел. Или просто не мог сдвинуться с ме-
ста.

Так или иначе, прошло две минуты, максимум три – и ее

велосипед появился снова. Она ехала с такой скоростью, с какой спускаются с горки, хотя дорога шла вверх, и когда она доехала до моей машины, то бросила велосипед на тротуар и села рядом с со мной.

– Трогай, – сказала она. Задыхаясь. Она была вся красная.

– В чем дело?

– Я не могу туда вернуться.

– Что? Почему? Что случилось?

– Давай уже поедem, а?

Я завел мотор. И следуя инструкциям Мор, поворот за поворотом, выехал из поселка.

Покосившись на нее, я отметил, что ее лицо изменилось. Стало напряженным. Строгим. Она кусала губы. Даже ее нежные округлые щеки были втянуты. Скулы выпирали. Теперь на лице проступили неприятные острые углы, которых я раньше не видел.

– Куда? – спросил я, когда мы наконец выехали на шоссе.

– Если бы я знала, – ответила она неприятным тоном. Грубо.

Я остановился на обочине. Положил руку ей на бедро. Чтобы успокоить.

Она сбросила мою руку и сказала: ты мешаешь мне думать.

Я вернул руку на руль и подумал: почему она так со мной говорит? И вторая мысль: если сейчас рвануть, то, может, я еще успею сегодня увидеть Лиори.

– О'кей. – Мор наконец приняла решение. – Поезжай прямо, потом, на перекрестке, налево. Через две-три минуты слева будет грунтовая дорога.

* * *

Только сейчас, постфактум, я понимаю, сколько всего подозрительного было на пути. Но в этом-то и проблема: все, что вызывает подозрение, ты поначалу словно не замечаешь.

Например, как нас встретила ее подруга детства – пока мы ехали, Мор рассказывала о ней и называла ее «мое спасение в школе», «единственная во всей параллели, кто понимал мой юмор» и «единственная, кроме меня, кто слушал Radiohead».

Когда мы добрались до глинобитного дома ее подруги, было уже темно. В домике только на окнах горело несколько свечей. Потом я понял, что во всем этом поселке не было ни электричества, ни телефона, ни вай-фая. По идеологическим причинам.

Мы постучали в деревянную дверь. Нам открыла молодая девушка, ровесница Мор. Она вытаращила глаза, как будто Мор воскресла из мертвых.

Мор широко улыбнулась ей, однако ответной улыбки не получила. Они обнялись на пороге, но было видно, что подруга хочет как можно быстрее высвободиться из объятий.

– О Офелия, – произнесла Мор, все еще держа ее за та-

лию, – были ль вы здоровы это время?²⁸

Из кухни прибежал эффектный мужчина в широких белых штанах, с маленькой девочкой на руках.

– Дорогая, почему бы гостям не зайти? Мы как раз садимся ужинать.

– А ты разве не сидишь сейчас шиву? То есть я... соболезную... я собиралась приехать завтра, – сказала Офелия и сделала шаг назад.

– Мне нужно было немного проветриться, – ответила Мор и вошла в дом. – Ты ведь помнишь родных Ронена, с ними тяжело.

Это Омри, – наконец представила она меня. – Он был с нами в Боливии. А это Гили, моя лучшая подруга с тех пор, как... мы играли Офелию и Гамлета в спектакле нашего местного молодежного театра. А это... ее муж. Прости, как тебя зовут?

– Ошер, – ответил молодой человек и жестом пригласил нас в гостиную – низкий стол, вокруг разбросаны подушки.

* * *

Мы поужинали. Разная здоровая еда. Зеленый салат. Хумус, в котором чувствуются горошины нута. Свекла. Рисовые хлебцы. Еда, которую Орна любила, а я терпеть не мог.

---

²⁸ На самом деле в пьесе У. Шекспира с этим вопросом Офелия обращается к Гамлету (перевод Б. Пастернака).

Мор все время хвалила ужин и задавала тысячи вопросов, а потом внимательно слушала. Вся обращалась в слух.

Ошер охотно рассказывал: они сами построили дом. Рожали сами, без врачей. Жизнь без потребления. Тогда как всякие концерны уничтожают отдельных людей.

Мор кивала с пониманием и рассказывала, что, когда она работала на «телефоне доверия», ей как-то позвонил мужчина, которого уволили с завода «При Галиль»²⁹, и он не знал, как сообщить об этом жене. Каждое утро он уходил из дома, якобы на работу, с рюкзаком, и торчал в лесу Бирия³⁰ до вечера.

Она говорила – а я смотрел на нее. Она умела рассказывать. Выдерживать паузы. Жестикулировать. Но за всем, что она говорила, слышался какой-то минорный аккорд. Я подумал: ну а ты чего хотел? Муж погиб на ее глазах несколько дней назад. И еще я подумал: вот этот жест, когда она перебрасывает свои кудри то на одну сторону, то на другую, ей очень идет. И еще: она отлично поладит с Лиори. Лиори будет ее обожать. А потом: ну какое там поладит с Лиори, расслабься.

Во время ужина я почти не разговаривал. Гили тоже. Она все время смотрела на Мор – и было непонятно, что это за взгляд: полный ненависти или любви?

---

²⁹ «При Галиль» – завод по производству фруктовых и овощных консервов примерно в 35 километрах от Маалот-Таршиха, недалеко от Цфата.

³⁰ Лес в Галилее, недалеко от Цфата.

Позже, ночью, я узнал, в чем было дело.

* * *

Ошер принес нам матрасы и постельное белье, устроил нас в гостиной. Мор тут же заснула. Я ни разу еще не видел ее лицо неподвижным. Все время была какая-то мимика: вот она слушает, вот она соблазняет, вот размышляет, вот стремится к своей цели... Представить, как она играет всякие драмы на сцене местного молодежного театра, было нетрудно.

Но теперь она спала. На щеке – непослушный локон. Я заправил его ей за ухо. В голове у меня снова заиграла песня «Церкви Разума»: «Ты красивей всего, когда пьяна, не отличаешь добра от зла». Я прижался к ней. Принято говорить: я ощутил тепло ее тела. Но я вдруг ощутил холод ее тела. И вспомнил, что там, на камне, она сказала, что чувствует холод внутри. Я подумал: у нее умер муж. Что она делает тут со мной, вместо того чтобы сидеть шиву? И тут же: а почему это справлять траур нужно обязательно дома? Можно же делать это гуляя. Или путешествуя. Я продел свои руки у нее под мышками и прижал к себе. Но заснуть в таком положении не смог, так что взял телефон и стал делать то, что всегда помогает мне успокоиться, – читать старые сообщения, которые Лиори отправляла мне с Орниного телефона. Много смайликов-сердечек. Мало слов.

И вдруг услышал голос Гили.

Поначалу я уловил только интонацию. Что-то в ней было такое, что заставило меня придвинуться к стене и прислушаться.

Оказалось, что через глинобитные стены хорошо слышно.

– Тебе не кажется, что тут что-то не то? – говорила Гили. – Да, это о ней я тебе рассказывала... Как это она появляется тут с мужчиной, когда... Да, это в ее стиле... Она как уличная кошка... Сперва – руководитель театральной студии... А потом я... А потом она увидела, как Ронен играет на скрипке на фестивале в Акко... Ну, ее муж, который погиб в Боливии... И с тех пор она... Она вообще меня не замечала... А теперь вдруг я «лучшая подруга»... Слушай, тут точно что-то... Что-то не то: муж у нее погиб, а она даже не... Только не говори, что она и тебя очаровала... Да не подлизывайся... Может быть... И что? Все равно концы с концами не сходятся... И вдобавок с мужчиной... Ну и?.. Пожалеть? Чего жалеть-то?.. Ни в коем случае... Завтра утром пусть убирается отсюда.

* * *

Обычно я не запоминаю сны. И в том сне, который приснился мне в глинобитном домике, явно было несколько частей. В той части, которую я запомнил, Лиори заблудилась в лесу, похожем на лес рядом с поселком, где я вырос. Она

кричала мне: папа! папа! А я ехал на моноколесе, так ловко, как будто делал это многие годы, и пытался по голосу определить, где, черт возьми, моя девочка, лес окутывал густой туман, а вдалеке моя мама, точнее, голос моей мамы раз за разом предупреждал, причем по-итальянски: «*Si raccoglie quello che si semina*»³¹. Я волновался за Лиори во сне. Очень. Но в какой-то момент голос мамы затих, и меня стал окружать влажный туман. Он нежно меня гладил. Было трудно не поддаться его ласкам. Точнее, ласкам Мор. То есть, когда я проснулся, Мор действительно ласкала меня: засунув руку под футболку, она гладила меня по спине с бесконечной нежностью, как будто знала, что там хранятся самые неприятные для меня воспоминания, и пыталась прогнать их своими ласками, и только через несколько минут – долгих, тягучих – она задрала футболку. Тоже медленно. И перевернула меня на спину. И поцеловала в грудь. И ниже. И еще ниже.

Орна делала мне минет только в мои дни рождения и в годовщины нашей свадьбы. И только если я сам об этом просил. Всякий раз за несколько мгновений до того, как кончить, я должен был обязательно подвинуть ее голову. Чтобы ни в коем разе.

Голову Мор я тоже попытался подвинуть.

– Сейчас кончу, – прошептал я и приподнял одеяло, но она не стала отворачиваться.

И вот, в тридцать девять лет, в поселке, которого даже нет

---

³¹ Что посеешь, то и пожнешь (*ит.*).

в гугл-картах, когда за жалюзи проникли первые лучи восходящего солнца, я впервые испытал это невероятное наслаждение. Граничащее с болью.

И открыв глаза, сказал: спасибо.

Приподняв одеяло, спросил:

– А ты? Хочешь...

Она передвинулась повыше, так что ее кудри выглянули из-под одеяла, вытянулась рядом со мной во весь рост и сказала:

– Не здесь.

Помолчав, повернулась ко мне, посмотрела в глаза и сказала: «Инта омри»³². И протянула палец, чтобы погладить уголки моего рта, растянувшегося в улыбке. Спросила:

– Почему ты так добр ко мне?

И я ответил как есть:

– Потому что ты мне очень нравишься, Мор.

Она вздохнула – в этом вздохе была примесь печали – и положила голову мне на грудь. Несколько минут мы тихо дышали, не говоря ни слова, и я был так благодарен, так умиротворен, что рассказал ей о разговоре, который слышал через стенку, как о забавном анекдоте.

Ее это не слишком позабавило.

– Вставай. – Она резким движением поднялась с матраса и решительно заявила: – Едем.

– Но...

---

³² «Ты жив» (араб.) – слова из песни египетской певицы Ум Культум.

- Она еще, чего доброго, позвонит братьям Ронена.
- Можешь объяснить, почему ты так...
- Все вопросы потом, Омри.

* * *

Машина не заводилась.

Я начал было объяснять Мор, что, с тех пор как развелся, не успел доехать до автосервиса, починить... Но посреди рассказа она вышла из машины, открыла капот. Нагнулась над ним.

И махнула мне: мол, заведи еще раз.

А потом вернулась в машину, села на свое место, пристегнулась и сказала: едем.

– У меня мама работала секретаршей в автосервисе, – ответила она на вопрос, который я так и не задал. – Я проводила у нее все каникулы.

* * *

– А теперь объясни наконец, что происходит, – потребовал я, когда мы снова выехали на асфальтированную дорогу. На приборной доске загорелась сигнальная лампочка: бензина почти не осталось.

– Сначала кофе.

– Какой еще кофе?

– Мне было некогда даже почистить зубы после... после тебя, – сказала она и посмотрела на меня взглядом соучастника в злодеянии. – Кроме того, нужно решить, куда мы едем.

Я вспомнил: когда Орна сказала мне – возмутительным тоном, в котором не чувствовалось ни капли вины: «А чего именно ты ожидал, Омри?» – я разбил ей ноутбук и поехал к маме, и, хотя я явился посреди ночи, она не стала меня ни о чем спрашивать, разложила диван, натянула на него простыню...

Я спросил Мор:

– А твоя семья – отсюда?

– Да, – ответила она горько, – но к ним – не вариант.

– Можно спросить поче...

– Если коротко – они не хотят со мной общаться.

– Почему?

– Долгая история, – сказала она. И, подумав немного, добавила: – Знаешь, как бывает, когда какой-нибудь сотрудник обнаруживает в своей организации растрату – и в конце концов увольняют именно его?

– Да.

– Ну вот, типа такого.

– То есть...

– Забей, у меня сейчас нет сил вспоминать подробности.

Я повернулся к ней вполоборота.

Она поднесла ко рту кулак, прикусила один палец, и вдруг я представил, каким она была ребенком. Вот буквально увидел картинку. Кудрявая такая. С дерзким взглядом. Держит леденец на палочке.

– Если когда-нибудь у тебя появятся на это силы, мне будет очень интересно.

– Спасибо, – ответила она и подарила мне простой и теплый взгляд.

– Тогда как насчет поехать ко мне домой? – предложил я. Не задумываясь.

– Не уверена, что это хорошая мысль, – сказала она. – Твоя дочка не там?

– Она приедет только в выходные. Сейчас она у мамы.

– Вау.

– Но на всякий случай скажу, – предупредил я, – перед ее приездом я, конечно, навожу порядок, чтобы ей было приятно, но сейчас у меня там... то еще quilombo. Я не успел собрать мебель из «Икеи». Точнее, не смог заставить себя это сделать. И мойка полна немытой посуды. Ну, квартира холостяка. Но если это тебя не напрягает...

– Нисколько не напрягает, – ответила она. Но тон ее давал понять, что она все еще в раздумьях.

* * *

– Лучше я подожду в машине, – сказала Мор, когда мы

остановились у магазинчика на заправке.

Спрашивать почему я не стал, вместо этого спросил: «Сколько сахара?», и только когда кофе был готов и я уже протягивал деньги кассиру, меня осенило: я же оставил ключи в машине!

Боковым зрением я увидел: она перебрасывает ногу, потом вторую – и пересаживается на водительское сиденье.

Я схватил кофе с прилавка и побежал.

На бегу кофе расплескался и забрызгал футболку, я выругался. Бежал дальше и ругался. И успел-таки открыть дверь и влезть на пассажирское сиденье, пока она не завела машину.

– Это как понимать? – спросил я. Так сдержанно, как только мог.

И подумал про себя: уличная кошка.

Она долго молчала, уставившись на свои кеды.

Ее кофе все еще был у меня в руках. И я оставил его себе. Нарочно.

С трудом подавил желание ударить ее по лицу. И сказать, чтобы выметалась из машины.

Наконец она подняла глаза:

– Извини, Омри. Прости меня. Это было не к месту.

От изумления слова застряли у меня в горле.

Орна за все время ни разу не попросила у меня прощения. «Я не сильна в этом», – заявила она мне, когда мы начали встречаться. И с тех пор извинения в наших отношениях были моей зоной ответственности. И вот оказывается, что мо-

жет быть иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.